

НО СВЕТ РОЖДАЕТ ВОПРОСЫ.

СОЛНЦЕ
В ЗЕНИТЕ

18+

ВАСИЛИЙ МАЙЕР

Цикл солнца

Василий Майер

Солнце в зените

«Автор»

2026

Майер В.

Солнце в зените / В. Майер — «Автор», 2026 — (Цикл солнца)

Когда-то за пределами города были фермы. Там паслись стада, текла вода, люди не знали голода. Теперь животные болеют. Стада редеют. Болезнь, которую никто не может объяснить, меняет привычный уклад. Элита молчит. Храм готовит новые ритуалы. Стражник Закар не верит, что его наставника убили дикие. Он начинает расследование — и натывается на тайну, которую власть имущие предпочли бы похоронить. Гвира, его подруга детства, служит в храме. Ей кажется, что она может изменить систему изнутри. Но правда, которую она узнаёт, оказывается сложнее, чем она думала. Город сжимается. Солнце жжёт всё сильнее. Закар ищет ответы. Гвира ищет своё место. А животные продолжают исчезать.

© Майер В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ГЛАВА 1: «УТРО»	5
ГЛАВА 2: «ВОЗВРАЩЕНИЕ К СОЛНЦУ»	13
ГЛАВА 3: «СЛЕД»	21
ГЛАВА 4: «КРОВЬ И ВОДА»	31
ГЛАВА 5: «ПУСТАЯ ЗЕМЛЯ»	41
ГЛАВА 6: «АЛЫЕ ГРЕХИ»	47
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Василий Майер

Солнце в зените

ГЛАВА 1: «УТРО»

Утро начиналось с колокола.

Первый удар утонул в песке, не долетев до дальних стен. Второй покатился над крышами, сбил с карнизов сухую грязь. Третий затих где-то в Лабиринте, так и не найдя слушателей.

Закар стоял в проходе между казармой и внешней стеной и слушал, как тишина возвращается. Колокол бил не к началу дня — он бил тревогу. Знали об этом только те, кто умел различать удары. Простой народ считал — просто время. Стражники знали: что-то случилось.

Форма сидела на нём как влитая. Новая — выдали вчера, к первому дню самостоятельных патрулей. Чёрная ткань с медными заклёпками, на плечах — нашивки, означавшие ранг. На груди — знак солнца: круг с расходящимися лучами, выбитый по металлу. Тяжёлый. Горячий уже с утра.

Он провёл пальцем по лучу, поправил перевязь с палкой — та самая, с голубым наколочником, что была током.

— Закар, — окликнули сзади.

Он обернулся. Иона — молодой, веснушчатый, с вечно сбившимся набок шлемом — бежал к нему.

— Идём. Нахаша нашли.

В храме колокола не было. Здешнюю тишину нарушал только шорох босых ног по камню да далёкий звон медных чаш.

Храм стоял на самом высоком холме элитного района, но внутри не было величия. Узкие коридоры, петляющие как змеи, вели из одного полутемного зала в другой. Стены из грубо тёсаного камня, кое-где затянутые выцветшими тканями с вышитыми символами солнца — кругами с расходящимися лучами. Многие символы облупились, краска осыпалась, но никто не спешил их обновлять. У жрецов были другие заботы.

Алтарный зал, где Гвира проводила утренние молитвы, представлял собой длинное помещение с низким, давящим сводом. Дышать здесь было трудно. Воздух, казалось, никогда не поступал снаружи — тяжёлый, пропитанный запахом старого ладана, пота и ещё чего-то кислого, тошнотворного. В углах громоздились каменные чаши с пеплом. На стенах висели светильники — масляные лампы, которые жрецы зажигали лишь для вечерних служб. В осталь-

ное время храм освещался только редкими лучами, пробивавшимися сквозь узкие щели под потолком.

Зал был настолько душным, что пот выступал на коже уже через минуту после входа. Жрецы говорили — это священный жар, дыхание солнца, очищающее верующих. Гвиря знала другое: здание построили на сквозняке, но через сотню лет вентиляцию завалило песком, и теперь единственное, что двигало воздух, — это редкие, слабые порывы ветра, пробивающиеся сквозь щели в стенах.

Так было не всегда. Старые записи, которые она видела в приделе, упоминали о подземных тоннелях, тянущих прохладу из глубин. Теперь тоннели засыпаны, а жрецы твердили о благодати.

Гвиря вытерла лоб ладонью. Плат намок, прилип к вискам. Она терпела. Все терпели. Тех, кто падал в обморок во время молитвы, наказывали — меньше еды, меньше воды. «Слабые духом не угодны солнцу», — говорил Авигодор. Гвиря ни разу не упала. Она научилась не показывать слабость.

В центре зала возвышался алтарь. Чёрный камень, отполированный временем и прикосновениями. По краям — желобки, назначения которых Гвиря не знала. И не хотела знать.

Она стояла перед алтарём, опустив голову, и ждала, когда рыхлая старуха с седыми пучками на голове закончит молиться. Жрица по имени Шуламит закончила. Повернулась, оглядела присутствующих мутным глазом.

— Мясо сегодня не раздавать, — сказала она. — Авигодор ждёт гостей.

— Каких гостей? — спросила одна из младших, не поднимая головы.

— Таких, — отрезала Шуламит. — Не твоего ума дело.

Гвиря почувствовала, как по спине пробежал холод. Авигодор редко принимал гостей. А если и принимал, то всегда после этого что-то случалось. С прошлого раза, когда в храм приходили люди в чёрном, пропал младший жрец по имени Йоэль. Никто не спрашивал куда. Никто не вспоминал.

Гвиря вспомнила. И не забыла.

Тело лежало у стены, раскинув руки, как будто обнимало небо.

Закар подошёл не сразу. Сначала просто смотрел — на старую, выцветшую форму, на седую щетину, на руки в шрамах, которые учили его не моргать, когда режешь живое. Нахаш лежал на спине. Глаза открыты, смотрят вверх. Того самого солнца, которому он служил всю жизнь, сейчас не было видно — оно поднялось выше и ушло за карниз.

— Кто нашёл? — спросил Закар.

— Патрульные, — Иона стоял чуть поодаль. — Думали, пьяный. А он

Он замолчал. Закар кивнул.

Тело не тронуту. Если бы это были дикие — они бы забрали мясо. Здесь не было ничего. Ни следов крови, ни рваных ран. Только чистая, аккуратная смерть. И тишина.

Закар опустился на колени. Руки не дрожали — он заставил их не дрожать.

Обыскал карманы. В одном — пусто. В другом — пусто. В третьем, во внутреннем, пальцы нащупали что-то твёрдое, круглое, тяжёлое.

Он вытащил предмет. Металлический диск с потускневшим стеклом и двумя тонкими стрелками, застывшими на месте.

— Что это? — спросил Иона.

Закар не ответил. Он держал находку в ладони и чувствовал — она не простая. Такие не носят просто так. Нахаш прятал её. Знал, что она у него есть.

Колокол ударил снова.

— Надо идти, — сказал Иона.

Закар сунул предмет во внутренний карман формы. Поднялся.

— Никому не говори.

— О чём?

— Об этом. Никому.

Разговоры в трапезной стихли, когда вошла Гвир.

Она села в дальний угол, взяла миску с мутной похлёбкой и кусок серого, сухого хлеба. Мясо было. Много. Розоватые ломтики, чуть влажные, разложенные на деревянном блюде. Гвир смотрела на них и не могла есть.

— Ты чего? — спросила Тамар, поддвигаясь ближе.

— Не голодна.

— А ты не чувствуешь?

— Что?

— Вкус. Он странный.

Тамар откусила кусочек, прожевала, пожала плечами.

— Обычный. Ешь, Гвира. Не задавай вопросов.

Гвира не стала есть. Она смотрела, как другие жрецы и жрицы уминают мясо, как обли-
зывают пальцы, как улыбаются, набивая животы. В улыбках этих было что-то нечеловеческое.
Или слишком человеческое. Она не могла понять.

Она поднялась из-за стола, вышла в коридор.

В казарму Закар вернулся, когда солнце уже поднялось настолько, что тени исчезли.

Он сел на койку, достал находку, положил перед собой. Круглый предмет. Тяжёлый.
Странный. Никогда не видел таких. Стрелки не двигаются. Стекло треснуто. Металл потуск-
нел от времени. Но вещь была сделана рукой мастера — такого, каких в городе не осталось.

Сзади слышались тяжёлые шаги. Закар не обернулся — знал, кто идёт.

— Дай посмотреть, — сказал Аарон, останавливаясь рядом.

Старый стражник протянул руку. Закар отдал находку. Аарон повертел её, поднёс к свету,
постучал ногтем по стеклу.

— Я такие раньше встречал, — сказал он. — В старых руинах, за южным кварталом.
Люди находили и боялись.

— Что они делают?

— Ничего. Они просто есть. Как камни. Как песок. — Аарон вернул находку. — Но твой
наставник не носил бы мёртвую вещь просто так. Значит, она была ему нужна.

— Для чего?

Аарон посмотрел на него долго. Потом сказал:

— Не лезь, мальчик. Нахаш умер, потому что лез. Хочешь жить — забудь.

Старик вышел. Закар остался сидеть.

Через час его вызвал начальник патрулей.

Кабинет был маленький, душный, с одним окном, выходящим в глухую стену. На столе —
стопка бумаг, глиняная кружка с тёплой водой. Начальник сидел, не поднимая головы. Закар
ждал у порога.

— Закрой дверь, — сказал начальник.

Закар закрыл.

— Ты нашёл тело?

— Да. Нахаша.

— И что ты видел?

Закар помолчал.

— Странное, — ответил он. — Не похоже на диких.

— Я не спрашиваю, на кого это похоже, — начальник поднял голову. Глаза у него были маленькие, бледные, как у рыбы. — Я спрашиваю, что ты видел.

— Тело. Старый стражник. Нет следов насилия.

— Значит, дикие, — начальник откинулся на стуле. — Дело закрыто. Похороните.

— Но

— Вопросы?

Закар стиснул зубы. Он был моим отцом. Но не сказал.

— Вопросов нет.

— Свободен.

Закар вышел. Во дворе его ждал Иона.

— Ну что?

— Ничего, — ответил Закар. — Они не хотят искать.

— А ты?

Закар посмотрел на небо. Оранжевое, чужое, давящее.

— Я хочу.

Гвира спустилась в боковой придел, где хранились старые свитки.

Здесь пахло плесенью и временем. Свитки рассыпались в руках, пергамент крошился, чернила выцвели. Никто не приходил сюда. Никто не помнил, что здесь есть. Кроме неё.

Она сняла один, самый старый, на котором ещё можно было разобрать хотя бы несколько букв. Пергамент был толстым, грубым, на обороте виднелись разводы воска — печати, которые никто уже не умел читать. Она развернула его осторожно, боясь, что края рассыплются.

Текст был на древнем языке. Гвира знала его плохо — в храме учили лишь самые общие молитвы. Буквы, похожие на крючки и завитки, складывались в звуки, которых никто уже не произносил.

Она узнала только одно слово. Его вырезали на алтаре, его шептали в ритуалах, его вышивали на облачениях высших жрецов. Четыре буквы, которые означали «солнце». Или «свет». Или «жизнь» — никто не знал точно. Гвира провела пальцем по чернилам и прошептала:

— Йихбе.

Звук повис в сыром воздухе. Слово, которое не произносили вслух без нужды.

Она попробовала читать дальше, но смысл ускользал. Отдельные слова выпрыгивали из текста — «вода», «кровь», «жертва», — но складывались в предложения, которых она не понимала.

Но цифры она поняла. Их писали не буквами — значками, которые не изменились за сотни лет. Кто-то записывал животных. Коровы, свиньи, собаки, даже крысы. Цифры начинались с какой-то даты, которую она не могла прочесть, и тянулись десятками лет. До этого — ничего.

Будто раньше жертв не было вовсе.

Гвира нахмурилась. Жрецы учили, что жертва всегда была частью ритуала. Что солнце с самого начала требовало крови. Но свиток молчал.

И вдруг — одно слово, которое она узнала. Не по учёбе — по разговорам в трапезной, по шёпоту старых жриц.

Шамеш.

Она не знала, что это значит. Но оно было выведено крупно, на полях, другим почерком, будто кто-то хотел запомнить. Или предупредить.

— Что ты там делаешь?

Гвира обернулась. В дверях стояла Тамар.

— Ничего. Ищу старые молитвы.

— И нашла?

— Нет.

Тамар посмотрела на неё долго, потом кивнула.

— Идём. Нам скоро на вечернюю службу. Авигдор будет проверять.

Гвира вернула свиток на место, задвинула его поглубже.

Они встретились у старой лестницы после заката.

Место было нехорошее. Здесь когда-то жили бедные, потом их выселили, дома разобрали, остались только ступени, уходящие в никуда. Никто не ходил сюда. Идеальное место, чтобы никто не подслушал.

Закар пришёл первым. Гвира появилась через несколько минут, закутанная в тёмный плащ.

— Ты один? — спросил он.

— Одна.

Они не виделись несколько месяцев — с тех пор, как она ушла в храм, а он получил форму.

— Нахаша убили, — сказал Закар.

— Я знаю. Мне жаль.

— Я должен найти убийцу.

— Начальство сказала — дикие.

— А ты веришь?

Гвира промолчала. Закар вытащил находку, протянул ей.

— Ты знаешь, что это?

Она взяла. Круглая, тяжёлая, холодная. Треснутое стекло, застывшие стрелки, странные знаки на ободке — такие же, как в свитках.

— Нет, — сказала она. — Никогда не видела.

— А твои жрецы?

Она вспомнила свитки. Грубый почерк. Слово «Шамеш» на полях.

— Может быть, — сказала она. — Я поищу.

— Ищи, — кивнул Закар. — Но никому не говори.

— Ты уже это говорил.

— Повторю.

Он забрал находку, спрятал за пазуху.

— Будь осторожна, Гвира. В городе беспокойно.

— В городе никогда не бывает спокойно. Просто мы не всегда это замечаем.

Ночью Закар не спал.

Лежал на койке, смотрел в потолок, слушал, как дышат другие стражники. Иона спал, свернувшись калачиком. Закар завидовал ему.

Находка лежала под подушкой. Он вытащил её, поднёс к свету. Странные знаки, застывшие стрелки, треснутое стекло. Бесплезная, мёртвая вещь. Но Нахаш носил её с собой.

Зачем?

Он положил находку обратно, закрыл глаза.

«Солнце не выбирает, кого греть, — вспомнил он слова наставника. — Оно светит на всех. Наша работа — такая же».

Работа, которая стоила ему жизни.

В храме тоже не спали.

Гвира сидела на лежанке, прислонившись спиной к стене, и смотрела в темноту.

Шамеш.

Что это могло означать? Имя? Название? Знак?

Она повторяла его про себя, пока звук не потерял смысл.

Завтра она вернётся в забытый придел. Достанет тот свиток — и другие.

И если тайна существует — она её найдёт.

ГЛАВА 2: «ВОЗВРАЩЕНИЕ К СОЛНЦУ»

На рассвете колокол зазвонил снова.

Другим боем — не тревожным, а тягучим, мерным, таким зовут не живых, а провожают уходящих. Закар узнал этот звон. Он слышал его много раз. Сколько — не помнил. Коротким — для прачки из казармы, длинным — для старого стражника, которого разорвали дикие. Сегодня колокол бил особенно долго, будто не хотел замолкать.

Закар стоял в строю вместе с другими стражниками. Новая форма стягивала плечи, натирала шею. Он стоял, чуть согнув левое колено — песок просел, и он боялся пошевелиться. Начальник патрулей запрещал двигаться. «Замрёт, как статуи. Это честь для Нахаша. Не опозорьте его».

Закар не опозорил.

Он смотрел прямо перед собой и слушал, как колокол бьёт по утрамбованному песку, по раскалённым стенам, по лицам стражников, которые стояли справа и слева.

Площадь перед храмом была полна.

Толпа теснилась у ограды, проникнуть внутрь могли только избранные. Стражники, жрецы, советники элиты — все в чёрном, все с опущенными головами. Простой народ остался за верёвками, натянутыми между кольшками. Их пускали на такие церемонии редко — только когда хоронили кого-то достаточно важного, чтобы показать величие храма.

Закар увидел Гвиру. Она стояла среди младших жриц, в белом платке, скрывавшем волосы. Её лицо было спокойным, почти каменным. Только глаза двигались — быстро, жадно, будто запоминали каждую деталь.

Иона стоял справа от Закара. Заметно нервничал — то сжимал, то разжимал кулаки.

Тело Нахаша лежало на помосте отдельно от других.

Их было больше двадцати. Мужчины, женщины, дети — те, кто умер за последние дни, принесли рано утром. Свалили в кучу у края ямы. Без имён, без почёта. Кто они — стражники, дикие, просто люди с окраин, — никто уже не помнил. Их бросят в трубу первыми, и они уйдут, к солнцу, раньше, чем кто-то успеет прочесть хотя бы общую молитву.

Нахаша принесли отдельно. Помост для него сколотили из старых досок, накрыли выцветшей тканью. Форму не стали снимать — старую, бледную от времени, с заплатками. Солнце всё равно заберёт. Стражники умирали в том, в чём жили.

Руки сложили на груди, вложили в них деревянный посох — гладкий, лёгкий, выточенный из светлого дерева. Рядом, на подушке, положили палку с голубым наконечником — ту самую, боевую. Её должны были забрать после церемонии. Такие вещи не ломали и не хоронили. Они переходили к другим.

Закар смотрел на это лицо и не узнавал его. При жизни Нахаш был жёстким, с острым взглядом. Теперь морщины разгладились, кожа обвисла, и он стал похож на всех мертвецов, которых Закар видел в трупобах. Обычный, слабый, мёртвый.

Верховный епископ поднялся на ступени храма.

Голос его звенел в сухом воздухе, как натянутая струна.

— Мы возвращаем тебя, Нахаш. Мы возвращаем тебя солнцу, которое ты хранил при жизни. Прими его, о свет, прими того, кто не знал страха.

Толпа замерла. Кто-то коснулся лба, груди, плеч, изображая ладонью солнечный круг.

Закар не шевелился.

— Кто скажет слово? — епископ обвёл взглядом собравшихся.

Он знал этого мальчишку. Знак солнца на груди не скрывал происхождения. Кожа, обожжённая ещё в детстве, глаза, которые смотрели слишком прямо для человека из низшего сословия. Епископу было гадко, что этот выродок будет говорить на похоронах. Но Нахаш настоял. Составил завещание. Епископ скривился, но промолчал.

— Я, — сказал Закар.

Он поднялся на помост, встал рядом с телом. Смотрел на лица — стражники, жрецы, советники. Никто не смотрел на него прямо. На лицах советников читалась всё та же брезгливость.

— Нахаш учил меня не бояться, — начал Закар. Голос прозвучал глухо, будто он говорил из-под воды. — Не бояться боли, не бояться темноты, не бояться смерти.

Он говорил и смотрел на песок под ногами. У края ямы, у самой трещины, копошилась крыса. С облезлой шерстью, один глаз мутный. Больная. Она тащила кусок хлеба, спотыкалась, но не останавливалась.

— Он говорил: «Солнце не выбирает, кого греть. Оно светит на всех». Мы — стражники — не выбираем, кого защищать. Мы защищаем всех. Даже тех, кто этого не заслуживает.

Закар посмотрел на советников. Они стояли, не двигаясь.

— Нахаш был моим отцом. Не по крови. По выбору. И я буду помнить его, пока жив.

Он сошёл с помоста. Епископ кивнул — коротко, сухо, будто отдал честь собаке.

Больше речей не было.

Епископ не стал приглашать советников, не стал слушать жриц. Нахаш получил своё слово. Остальные двадцать с лишним мертвецов так и остались безымянными.

— Солнце, прими своих слуг, — произнёс епископ, и слова его упали в тишину.

Стражники подхватили мешки с телами и понесли к трубе — чёрному жерлу, уходящему глубоко под землю. Её не было видно из-за помоста, но Закар знал, что она там. Широкая, с ржавыми краями, из которой тянуло холодом даже в самый жаркий день. Туда сбрасывали мёртвых. Туда же, по слухам, уходила отработанная вода и кровь жертвенных животных.

Нахаша понесли последним.

Четверо стражников в чёрном подхватили тело, подняли на плечи. Понесли к трубе. Остановились у края. Епископ поднял руку.

— Возвращаем тебя.

Тело скользнуло вниз. Исчезло в темноте.

Закар смотрел, как его отца забирает чёрная пасть, и не чувствовал ничего.

Рядом, на подушке, осталась лежать боевая палка с голубым наконечником. Её забрал начальник патрулей. Взял, не глядя, сунул под мышку и ушёл. Закар смотрел на это и вдруг понял, что Нахаш умер окончательно. Не тогда, когда его бросили в трубу. А сейчас. Когда его оружие перешло к другому.

Толпа начала расходиться. Жрецы уходили первыми, стражники оставались дольше — стояли у края ямы, смотрели на дым, молчали. Кто-то из советников, проходя мимо Закара, сплюнул на песок. Закар не обернулся.

Гвира стояла среди младших жриц, смотрела на то, как все расходиться. Площадь наполнило запахом палёной плотию, маслом и чем-то сладковатым, от чего кружилась голова. поднимался всё выше, и она думала: сколько их уже ушло в эту трубу? Сотни? Тысячи? И все они — Нахаш, и те, двадцать безымянных, и животные, которых приносили в жертву, — все они становились частью солнца. Кормили его. Успокаивали.

— Жертва принята, — сказал епископ.

И тогда небо изменилось.

Сначала просто стало темнее. Гвира подняла голову — облака, которых не было с утра, сгустились над храмом. Серые, тяжёлые. Потом упала первая капля.

Толпа замерла.

Кто-то закричал, кто-то упал на колени, протягивая руки к небу. Епископ замер с поднятой рукой — Гвира запомнила это на всю жизнь: его лицо было не благоговейным. Оно было испуганным.

Дождь. Настоящий дождь, не слабая морось, не туман, не роса.

Вода лилась с неба, как будто кто-то прорвал плотину.

Гвира стояла под ливнем, подставив лицо, чувствуя, как смывает пот, пыль, тяжесть утраты. Тамар плакала, смеялась, кружилась под дождём.

— Солнце приняло его! — кричала она. — Солнце приняло!

Гвира не знала, правда ли это. Но она тоже улыбнулась. Потому что стоять под дождём и не улыбаться было невозможно.

Закар не пошёл под дождь.

Он стоял под навесом казармы, смотрел, как вода льётся с крыш. Люди бежали по улицам, выкрикивали молитвы. Кто-то плакал, кто-то смеялся.

Он чувствовал, что этот дождь — не просто дождь. Это прощание. Нахаш не умел говорить ласковых слов, не любил обнимать. Но этот дождь шёл так, будто старый стражник решил высказаться напоследок. Закар стоял у стены и слушал, как капли бьют по железу, по камню, по песку. И ему казалось, что он всё ещё рядом. Что он просто ушёл за угол и скоро вернётся — хмурый, молчаливый, с палкой в руке. Скажет: «Чего встал? Работать надо».

Но он не вернётся.

Закар достал из кармана часы. Провёл пальцем по треснутому стеклу, по застывшим стрелкам. Он покажет их Гвире. Он найдёт правду.

Дождь всё лил.

Вечером того же дня, когда дождь наконец кончился и с крыш ещё капало, стражники собрались в казарме.

Поминки по Нахашу были делом негласным. Начальник патрулей не одобрял — говорил, что мёртвым нужен покой, а не пьяные драки. Но старые традиции были сильнее приказов. Те, кто служил с Нахашем, помнили, как он сам справлял тризну по своим товарищам: с вином, с кровью, с боями без правил.

В центре казармы сдвинули столы. Вместо скатерти — грубая мешковина. Вместо свечей — масляные лампы, коптящие на сквозняке. Пахло потом, старым деревом и чем-то кислым — перебродившим, резким.

— Откуда это? — спросил Иона, кивнув на бочонок, который вкатили в комнату двое дюжих стражников.

— Запасы старого Нахаша, — ответил кто-то из ветеранов. — Он ещё много лет назад закупорил. Сказал: «Пригодится, когда меня не станет».

Бочонок был тёмный, дубовый, обтянутый ржавыми обручами. Когда его открыли, по казарме разлился запах — терпкий, сладковатый, с горькой ноткой. Виноград? Ягоды? Закар не знал. В городе не росло ничего, кроме колючек и сухой травы. Откуда Нахаш взял вино —

оставалось загадкой. Говорили, выменивал у фермеров на старые ремни да сушенное мясо. Говорили, сам делал из какого-то редкого корня, который находил в пустошах. Говорили многое. Никто не знал точно.

Вино разлили в глиняные кружки — тёмно-красное, густое, на свету почти чёрное. Кто-то сделал первый глоток, закашлялся, вытер губы рукавом.

— За Нахаша, — сказал седой стражник, поднимая кружку.

— За Нахаша, — повторили остальные.

Закар пил маленькими глотками. Вино обжигало горло, а потом разносило тепло по всему телу. Он почти не пил раньше — не было повода, не было лишней еды, чтобы менять на хмель. Сейчас он пил и чувствовал, как тяжелеет голова, как отпускает напряжение, как мир становится мягче, расплывчатее.

— Традиция, — сказал старый стражник по имени Аарон, поднимаясь из-за стола. — Чтобы кровь Нахаша не остыла. Чтобы его сила перешла к достойному.

Он вытащил из-за пояса палку — ту самую, с голубым наконечником, что забрали с тела Нахаша. Положил на середину стола.

— Будет бой. Кто выстоит — того оружие. Кто упадёт — пусть не обижается.

Стражники одобрительно загудели. Кто-то уже начал скидывать рубахи, оголяя руки, покрытые шрамами. Закар стоял в стороне, не двигаясь. Он видел эти бои раньше — жестокие, грязные, иногда до смерти. Не хотел участвовать. Не чувствовал себя готовым.

Но когда первый боец вышел в центр и обвёл всех вызовом, Закар вдруг понял: он должен. Не ради палки. Ради того, чтобы доказать — себе, Нахашу, этим людям, которые смотрели на него с жалостью и презрением. Он не слабак. Он выжил в труппах. Выжил в отборе. Выживет и здесь.

Он стянул рубаху через голову. Встал в круг.

Бой длился долго. Закар дрался с тремя — и каждого уложил. Первый попался молодой, горячий, бил без оглядки, открыто — Закар ушёл в сторону, ударил по затылку, и тот рухнул лицом в песок, не успев даже вскрикнуть. Второй был старше, опытнее, бил ниже пояса, норовил схватить, скрутить — Закар вывернулся, поймал его на локте, и когда тот зарычал от боли, добил коленом в живот. Третий — здоровяк, с медными заклёпками на рубахе — молотил как кузнечный молот, без остановки, без жалости. Закар зажался в углу, закрывая голову руками, и ждал, пока тот выдохнется. Дождался. Удар — в солнечное сплетение. Здоровяк осел на колени, выплёвывая слюну.

Закар стоял в центре круга, тяжело дыша, и смотрел на свои руки — костяшки разбиты, кровь стекает по пальцам, капает на песок. В глазах у него мутилось — то ли от усталости, то ли от вина, то ли от всего вместе. Но он держался.

— Кто ещё? — спросил он, обводя взглядом стражников.

Никто не вызвался.

— Тогда палка твоя, — сказал Аарон и кивком велел подать оружие.

Но в этот момент в круг вышел он.

Закар не видел таких старых людей. Ему говорили, что человеку за шестьдесят — это уже редкость. Солнце выжигало кости, люди старели быстро, мало кто доживал до пятидесяти. А этот этот выглядел так, будто ему не было и сорока. Гора. Настоящая гора. Широкий, массивный, с руками толщиной с бревно. Седая щетина, коротко стриженные волосы, глубокие морщины вокруг глаз. Он двигался тяжело, но уверенно — каждый шаг отдавался в земле.

— Пусти-ка, парень, — сказал он голосом, похожим на скрип несмазанной телеги.

Закар хотел возразить, но Аарон перебил:

— Это Ноах. Хозяин ферм. Он служил с Нахашем. Имеет право.

Ноах кивнул, потянулся, разминая шею. Он не снял рубаху — толстую, кожаную, из грубых шкур. Закар вдруг подумал, что с такой одеждой человек должен задыхаться от жары. Но Ноах, кажется, не замечал.

— Начнём? — спросил он и шагнул вперёд.

Закар не успел отреагировать. Удар пришёлся в плечо — словно кувалдой по мясу. Он отлетел к стене, ударился затылком, сполз на пол. В ушах зазвенело, перед глазами поплыли оранжевые круги.

Но он встал.

Второй удар — в корпус. Закар согнулся, выплёвывая воздух, но не упал. Уцепился за край стола, поднялся.

— Крепкий, — услышал он голос Ноаха, полный одобрения. — Ты первый, кто поднялся после моего удара.

Третий удар не пришёлся. Закар нырнул под руку, пропустил её над собой, ударил в ответ — в бок, в рёбра. Ноах крикнул, но даже не покачнулся. Схватил Закара за шиворот, приподнял, занёс кулак.

И вдруг опустил.

— Хватит, — сказал он. — Доказал.

Один из стражников подал ему кружку. Ноах отпил, крикнул, вытер рот тыльной стороной ладони. Оттолкнул Закара — тот упал на колени, хватая ртом воздух. Кровь текла из разбитой губы, смешиваясь с потом и пылью. Но он улыбался — потому что понял: старик не добил. Потому что уважал.

Аарон протянул ему палку. Закар взял, почувствовал в руке тепло, знакомое с детства. Оружие, которое носилось на поясе, которое било током, которое было единственной защитой между жизнью и смертью. Теперь оно его.

— Пейте, — сказал Ноах, поднимая кружку, и все облегчённо засмеялись, зашумели, отводя взгляды от разбитых лиц, от крови на песке.

Вино лилось в кружки, кружки осушалось, и гул голосов становился всё громче, всё пьянее. Кто-то затянул песню — старую, стражницкую, про солнце и прощальный бой. Закар сидел в углу, прислонившись к стене, и смотрел на палку, лежащую на коленях.

Ноах нашёл его позже, когда гости начали расходиться. Сел рядом, тяжело дыша — не от усталости, скорее привычка такая.

— Ты молодец, парень, — сказал он. — Нахаш гордился бы тобой.

— Он не верил в гордость, — ответил Закар. — Говорил, что это обуза.

— Правильно говорил. — Ноах помолчал. — Я видел его незадолго до смерти. Заходил на ферму. Спрашивал, не замечал ли я чего странного. Говорил, что расследует одно дело.

— Какое?

— Не сказал. Сказал, что не уверен. Сказал, хочет проверить сам. Сказал: «Если я прав, то это перевернёт всё».

Ноах отпил из кружки, вытер рот рукавом.

— А потом его нашли мёртвым.

— Вы думаете, он что-то нашёл?

— Думаю, он нашёл то, за что его убили, — Ноах посмотрел Закару прямо в глаза. — Он говорил про трущобы. Про заброшенные части города. Говорил, что туда нужно сходить, проверить один слух.

— Какой слух?

— Не знаю. Мне не сказал. Боялся, что я тоже под удар попаду.

Ноах поднялся, с хрустом разминая колени.

— Ты должен пойти туда, парень. Там, может, найдёшь ответы. Или найдёшь то, что убило его.

— Я пойду, — сказал Закар.

— Знаю, — Ноах кивнул. — Потому и говорю.

Он хлопнул Закара по плечу — так, что тот едва не свалился с лавки.

— Береги себя. Такие, как ты, долго не живут.

— Нахаш прожил долго.

— Нахаш был старый, злой и упрямый, — усмехнулся Ноах. — Это разные вещи.

Он ушёл, и его массивная фигура растворилась в темноте.

Закар остался сидеть, сжимая в руке палку.

Трущобы. Зброшенные части города.

ГЛАВА 3: «СЛЕД»

Закар проснулся затемно.

В казарме было тихо — только храп, только скрип половиц под чужими телами, только редкое шипение масляных ламп, которые догорали в углах, отбрасывая на стены дрожащие, маслянистые тени. Он лежал на жёсткой лежанке, смотрел в потолок, слушал биение собственного сердца. Ровное. Спокойное. Такое же, как всегда.

Иона спал рядом, свернувшись калачиком, подложив под щеку сложенную куртку. Его лицо, освещённое слабым огнём последней лампы, было безмятежным. Закару на миг стало завидно. Иона ничего не искал. Иона ничего не терял. Иона просто жил — ел, пил, нёс службу, не задавая вопросов.

Закар не мог так.

Он сел, свесил ноги с лежанки, нащупал сапоги. Натянул их, затянул ремни. В углу, в тайнике под половицей, лежали запасы. Он вытащил две лепёшки — одну, вторую, завернул в тряпицу, сунул за пазуху. Флягу с водой повесил на пояс. Оружие — палку с голубым наколочником — пристроил на привычное место, за спину. Нож — в голенище правого сапога.

Никто не проснулся. Никто не спросил, куда он собрался.

Он вышел во двор, когда первые лучи солнца только коснулись крыш. Воздух был ещё прохладным — редкая роскошь в этом городе. Через час он станет тяжёлым, горячим, как из печи. Закар глубоко вздохнул и зашагал прочь.

Он шёл туда, где кончался город. Не сразу — сначала петлял между домами, где стены ещё держались, а тряпки над головой давали тень. Потом дома стали ниже, крыши провалились, тряпки истлели, и солнце начало жечь по-настоящему.

Закар хорошо помнил эти места. Пятнадцать лет назад здесь ещё жили люди — небогатые, но не голодные. Ремесленники, торговцы, те, кто работал на элиту. Дома были целыми, на улицах не лежал песок по колено, а из труб шёл дым — кто-то готовил еду, кто-то грел воду, дети играли в «пять камней» прямо на мостовой.

Теперь трубы торчали пустыми, как высохшие ветки. Дома развалились, песок засыпал нижние этажи, и кое-где из-под него виднелись только крыши да обломки стен. Люди ушли. Кто-то умер, кто-то перебрался ближе к центру, где солнце ещё не выжгло всё до тла. Город сжимался, как старая кожа на кости. Раньше стражники патрулировали и эти кварталы. Теперь даже они сюда не заходили — не было смысла. Некого защищать, нечего охранять.

Он прошёл мимо старой пекарни, где когда-то пекли хлеб для всей округи. Теперь здание стояло пустым, окна забиты досками, дверь заперта на ржавый замок. Песок набился в щели, и кое-где из-под крыши торчали пучки сухой травы — единственная зелень, какую можно было найти в этом городе. Закар остановился на секунду, припомнил запах свежего хлеба, который раньше разносился на квартал. Сейчас здесь пахло только пылью и тленом.

Дальше — дом кожевника. Тот ещё держался, когда Закар был маленьким. Хозяин, толстый, с вечно красным лицом, торговал ремнями и подошвами для стражников. Теперь и дом, и хозяин исчезли — то ли умер, то ли ушёл, спасаясь от голода. Закар не знал. И не хотел знать.

Он шёл, и с каждым кварталом улицы становились уже, песок глубже, дома ниже. Люди попадались реже, и те, что попадались, не смотрели ему в глаза. Худые, сгорбленные, они передвигались медленно, как больные мухи. У одного из колодцев он заметил старуху. Она сидела на камне, опустив голову, и медленно, очень медленно вращала ворот. Ведро поднималось пустым — вода кончилась лет пять назад. Но она продолжала крутить, как будто не замечая.

— Воды нет, — сказал Закар, останавливаясь.

Старуха подняла голову. Глаза у неё были мутными, белыми почти, взгляд блуждал где-то в стороне, не фокусируясь на лице Закара. Она смотрела сквозь него, будто он был призраком.

— Была когда-то, — ответила она. Голос сухой, шелестящий, как песок. — Много лет назад. Дожди часто шли. Каждую неделю. Колодцы не пересыхали. Люди не боялись смотреть вверх.

Закар помолчал.

— А сейчас?

— Сейчас не бояться нечего, — старуха усмехнулась, показав беззубый рот. — Воды нет, дождей нет. Только песок. Раньше солнце висело высоко. Мы его боялись, но оно было далеко. А теперь оно подбирается ближе. С каждым годом ближе.

Она замолчала, уставилась в пустоту. Закар хотел спросить ещё, но понял, что старуха уже не слышит его. Она снова начала крутить ворот, ведро поднималось пустым, и обречённый скрип колодезного колеса разносился над пустынными улицами. Закар сунул ей лепёшку — последнюю, оставленную для себя. Всё равно у него были две.

Она взяла, не глядя, сунула за пазуху. Продолжала крутить.

Песок здесь был глубже — ноги утопали по щиколотку, а то и по колено. Дома стояли без крыш, стены в трещинах, некоторые рухнули вовсе. Когда-то здесь кипела жизнь — Закар помнил, как бегал по этим улицам, как прятался в подворотнях, как воровал лепёшки с чужих столов.

Он остановился у полуразрушенного здания, где когда-то жил. Или нет? Все дома в трущобах были одинаковыми — грязными, тесными, пропахшими сыростью и бедностью. Низкие дверные проёмы, маленькие окна, забитые тряпками. Земляные полы, покрытые слоем сухой грязи.

Закару было одиннадцать, когда Нахаш нашёл его. Не десять, как он думал раньше. Одиннадцать. Он уже был достаточно взрослым, чтобы уметь убивать, и достаточно маленьким, чтобы не бояться смерти.

В тот день он сидел в подворотне, поджав колени к груди, и слушал, как урчит в животе. Еды не было три дня. Вода кончилась ещё раньше. Он был слаб, зол и готов на всё. Когда стражник показался в конце улицы, Закар не испугался. Он подобрал камень, сжал его в потной ладони и бросился вперёд.

Удар пришёлся в плечо.

Стражник даже не покачнулся.

Закар замер, ожидая пощёчины, удара палкой, пинка. Но ничего не последовало. Стражник просто стоял, смотрел сверху вниз, и в его глазах не было ни злобы, ни жалости. Только спокойствие.

— Живучий, — сказал он. — Идёшь со мной.

Закар тогда не понял. Думал — сейчас его отведут в яму, засыпят песком, сожгут. А его привели в казарму. Накормили. Дали воды. Сказали: «Будешь жить здесь».

Нахаш. Первый взрослый, который не ударил. Который не отнял последнее. Который просто сказал: «Идёшь со мной».

Закар тряхнул головой, прогоняя воспоминание. Время прошло. Нахаша нет. А он стоит посреди трущоб, в которых вырос, и не знает, что ищет.

Слова Ноаха: *«Он говорил про трущобы. Про заброшенные части города»*. Вот и всё. Ни адреса, ни имени, ни примет. Закар надеялся наткнуться на что-то — на свидетеля, на обрывок разговора, на крик о помощи. Может, повезёт. Может, нет.

Он пошёл дальше.

Дети выскочили из тени, как крысы из норы.

Их было семеро. Грязные, худые, с глазами, в которых не осталось ничего детского. Камни, палки, кусок ржавого железа. Самому старшему — лет двенадцать, не больше. У одного не хватало нескольких зубов, у другого был заросший глаз, третий — совсем кроха, лет пяти, держал осколок стекла и смотрел на Закара с такой ненавистью, что становилось не по себе.

— Стоять, — сказал старший. Голос низкий, хриплый, как у взрослого, который курит с десяти лет. — Есть чего?

Закар остановился. Медленно поднял руки, показывая, что не намерен нападать первым.

— Ничего, — ответил он. — Я не за едой.

— А за чем?

— Ищу человека. Стражника. Старого. Был здесь пару дней назад.

Мальчик усмехнулся, сплюнул на песок. Окурок плевка повис в воздухе густой ниткой.

— Стражники сюда не ходят. А если ходят, то не уходят.

— Этот ушёл.

— Значит, не нашли.

Он шагнул вперёд, и остальные двинулись следом. Закар вздохнул. Он не хотел драться. Вспомнил себя в этом возрасте — такого же голодного, злого, готового убить за кусок хлеба. Но эти дети были не он. У них не было Нахаша.

— Я не хочу драться, — сказал он.

— А мы хотим, — ответил мальчик и замахнулся.

Первый удар пришёлся в плечо. Закар не увернулся — не успел. Камень был острым, разорвал рукав, оцарапал кожу. Боль отрезвила, убрала лишние мысли. Он ударил в ответ — в челюсть. Мальчик отлетел, но не упал, только сплюнул кровь. Остальные набросились.

Закар не считал ударов. Просто двигался — уходил в сторону, бил, уклонялся, бил снова. Чей-то крик, хруст кости, чьи-то пальцы, вцепившиеся в его рукав. Он отшвырнул нападавшего, тот ударился о стену и сполз вниз. Двое отступили. Ещё двое продолжали лезть. Закар сломал руку одному — тот заорал и откатился в сторону. Второго отбросил ногой в живот.

И тогда кинулся самый маленький. С осколком стекла, зажатым в кулаке. Закар перехватил его руку на лету. Маленькие пальцы дрожали, глаза были полны слёз, но не страха — злости. Слепой, животной злости голодного зверька.

— Отпусти его, — прохрипел старший, поднимаясь с песка. Разбитая губа распухла, кровь текла по подбородку.

Закар разжал пальцы. Отпустил. Ребёнок отскочил, забился в угол, сжимая стекло в дрожащей руке. Он не ударил больше.

И тут же — глухой удар.

Один из детей, тот, что отступал раньше, метнул камень. Попал не в Закара. Попал в самого маленького.

Ребёнок охнул. Покачнулся. Упал лицом в песок. Из-под головы медленно растеклась тёмная лужа.

Тишина. Никто не кричал. Никто не двигался.

Закар не сразу понял, что произошло. Он смотрел на лежащее тело и не мог поверить. Мальчик, который только что держал в руке стекло, который кинулся на него с ненавистью, — лежал неподвижно.

— Он не должен был умирать, — сказал кто-то из детей. Голос был тихим, растерянным.

— Заткнись, — ответил старший. Но голос его дрогнул.

Закар опустился на корточки. Тронул пальцами шею ребёнка. Ничего. Ни пульса, ни движения. Кожа уже начала холодела под его пальцами, но он всё равно держал руку, надеясь на чудо, которого не случится не будет.

Он не знал его имени. Никто не знал. Ни у кого из этих детей не было имён — только клички, если повезёт. А у этого, наверное, не было даже клички. Просто «маленький».

Закар поднялся. Достал из-за пазухи одну лепёшку — ту, которую нёс для себя. Положил на камень рядом с телом. Отступил на шаг.

— Нахаш здесь был? — спросил он, не глядя на детей.

— Кто? — переспросил старший.

— Стражник. Старый. С которым я говорил.

Мальчик помолчал, вытер лицо рукавом.

— Был один. Два дня назад. Спрашивал про подвалы.

— Где они?

— За старым колодцем. Там лестница вниз. — Он кивнул куда-то в сторону, не поднимая глаз.

Закар посмотрел на лепёшку, на детей, на тело. Потом перевёл взгляд на старшего.

— Заслужили, — сказал он.

Развернулся и пошёл прочь. Не оглядываясь.

Он свернул за угол и остановился. Вздохнул, прижавшись спиной к стене. В голове всё ещё стоял тот глухой удар. И лицо ребёнка, упавшего лицом в песок.

Из-за угла донеслись голоса. Он осторожно выглянул. Дети возились с телом. Самый старший взвалил его на плечи, двое других поддерживали с боков. Они потащили маленького прочь. Не к камням, не в тень — куда-то в глубь развалин, где Закар не мог их видеть.

В трущобах ничто не пропадает даром, — подумал он. И почувствовал, как к горлу подступает тошнота.

Он проглотил её и пошёл дальше.

Старый колодец был сухим, засыпанным песком почти до краёв. Когда-то он давал воду целому кварталу. Теперь о нём забыли. Рядом — провал в земле, лестница, вырубленная в

камне, уходила вниз. На ступенях лежал толстый слой пыли, но кое-где он был сметён — кто-то спускался сюда недавно.

Закар посмотрел на лестницу, прикидывая, стоит ли лезть без света. Лампы у него не было. Только палка с голубым наконечником, которая могла гореть недолго — если рискнуть включить её на полную мощность.

Он включил.

Наконечник засветился бледно-голубым, выхватывая из темноты каменные ступени, стены в подтёках, низкий потолок. Света хватит ненадолго. Закар решил, шагнул вниз.

Подвал был старым, гораздо старше домов наверху. Здесь когда-то располагались казармы для стражников, охранявших эту часть города. Закар видел такие помещения раньше — в других развалинах, куда его водил Нахаш. Высокие потолки, широкие коридоры, комнаты для отдыха. Всё разрушено, засыпано песком, почти неразлично.

Но стены здесь были не из простого камня — из чего-то другого, чего Закар не мог назвать. Металл? Пластик? Он не знал таких слов. Просто провёл рукой по поверхности и почувствовал холод. Странный холод, который не имел ничего общего с тенью.

Он прошёл вперёд. Коридор свернул налево, потом направо, вывел в небольшую комнату. Здесь было темно. Голубой свет заметался по стенам, выхватывая грубо сколоченный стол, табурет, низкую койку, застеленную ислевшим тряпьем. И стены, увешанные листками бумаги.

Закар подошёл ближе.

На столе лежала потрёпанная тетрадь — листы, сшитые грубыми нитками, с твёрдой обложкой, исписанные мелким, торопливым почерком. Закар узнал его. Нахаш. Он открыл тетрадь. Буквы прыгали, строки сливались. Смысл ускользал.

Он не умел читать. Нахаш пытался научить его когда-то.

— Зачем мне это? — спросил Закар, отодвигая глиняную дощечку.

— Затем, что грамотный живёт дольше неграмотного, — ответил Нахаш, не поднимая головы.

— Я стражник, а не писарь.

— Стражник, который не умеет читать, рано или поздно подпишет себе смертный приговор. Потому что не поймёт, что написано.

Закар не послушал. И теперь жалел.

Он перелистывал страницы, пытаясь уловить знакомые знаки. Некоторые слова он всё же узнавал. «Нахаш» — своё имя, выведенное крупно, размашисто. «Закар» — своё имя. «Вода»

— это слово он знал по вывескам на колодцах. «Кровь» — это тоже знал, хотя оно писалось иначе, древними буквами, которые Нахаш называл «первоязыком».

Он провёл пальцем по строчке, разбирая слово. Похоже на «дам». Наверное, так когда-то произносили «кровь».

Больше он не понимал ничего. Остальное было чёрной стеной.

Закар выругался сквозь зубы, захлопнул тетрадь и сунул её за пазуху.

На стенах висели листки. Тоже с записями. Тоже бесполезными. Он снял их все, свернул в трубочку, спрятал в карман. В углу нашёл обрывок карты — старый, жёлтый, с отметками. Храм. Какие-то точки на окраине. Ещё один листок, отдельный: дата, которую он не понял, и два слова. «Осмотр завершён — перенос отменён. Объект остаётся».

Он не знал, что это значит. Но чувствовал — важно.

Обыскал комнату ещё раз — заглянул под койку, проверил ящики стола, постучал по стенам. Ничего. Только пыль, только песок, только время, которое всё стёрло.

Он выключил голубой свет, оставив только тусклое свечение наконечника, и полез наверх.

Воздух ударил в лицо горячей волной. Солнце стояло в зените, жгло немилосердно. Песок под ногами был горячим, воздух плавился, дрожал над крышами.

Дети разбежались. Тело ребёнка исчезло. Никто не ждал его, никто не окликнул. Закар постоял с минуту, глядя на старый колодец, на провал, из которого только что выбрался.

Теперь он знал: Нахаш был здесь. Что-то искал. Что-то нашёл. И не успел.

Он потрогал тетрадь под курткой, провёл пальцем по обрывкам бумаги в кармане. Несколько листов, пара клочков карты, обрывки фраз. Этого мало. Но это хоть что-то.

Закар медленно побрёл обратно, в сторону храма.

— Гвира, — сказал он тихо. — Ты мне нужна.

Гвира сидела в забытом приделе, прижимая к груди обрывок ткани.

Она проводила здесь всё свободное время. Сразу после утренней молитвы, перед вечерней службой, в обеденный перерыв — как только выдавалась свободная минута. Свитки пылились, рассыпались в руках, чернила выщвели, пергамент крошился. Но она всё равно переби-рала их, страницу за страницей, строку за строкой.

Она искала слово «Шамеш».

Оно встречалось несколько раз — на полях, другим почерком, будто кто-то делал пометки. Рядом с ним стояли другие слова, знакомые и не очень. «Вода» — это она узнала.

«Кровь» — это тоже узнала. Древнее слово «дам», которое в старых текстах означало не просто кровь, а нечто большее — может, родство. Может, жертву.

Рядом с одним из узкоспециализированных упоминаний стояло слово «башан». Сын.

Гвира не понимала. Язык древних был труден, многие слова утратили значение, а те, что сохранились, обросли новыми смыслами. Она не могла быть уверена, что её перевод правильный. Но чувствовала — это важно.

Шамеш — рядом с водой. Шамеш — рядом с кровью. Шамеш — рядом с сыном.

Что это могло значить?

Она переписывала знаки на обрывок ткани, который носила с собой — под платком, у самого сердца. Буквы получались кривыми, неуклюжими. Она не умела писать так, как древние писцы. Но хотя бы так — чтобы не забыть.

— Ты здесь, — раздался шёпот.

Гвира вздрогнула. Тамар стояла в дверях, бледная, с расширенными глазами.

— Шуламит тебя ищет. Она злая сегодня. Что-то случилось в храме, не знаю что, но она рвёт и мечет.

— Сейчас уйду.

Гвира засунула свитки подальше, засыпала песком, чтобы не бросались в глаза. Спрятала ткань за пазуху, под плат.

— Ты что там ищешь? — спросила Тамар.

— Ничего.

Тамар не поверила. Но не спросила больше. Они вышли вместе, свернули в боковой коридор. Шуламит прошла мимо, не заметив — старая, слепая, погружённая в свои мысли. Гвира выдохнула.

— Сегодня вечером я уйду из храма, — сказала она.

— Зачем?

— Нужно.

Тамар посмотрела на неё долго, потом кивнула.

— Будь осторожна. Тебя могут не пустить обратно.

— Знаю.

Они встретились у старой лестницы, когда солнце уже садилось. Оранжевый шар висел низко, отбрасывая длинные, искажённые тени. Песок, нагретый за день, еще не остыл до конца, и от земли поднималось едва заметное марево.

Закар пришёл первым. Гвира появилась через несколько минут, закутанная в тёмный плащ — тайком, чтобы никто не увидел младшую жрицу в трущобах.

— Ты что-то нашёл? — спросила она, не здороваясь.

— Да, — Закар вытащил тетрадь из-за пазухи. — Записи Нахаша. Я не могу их прочитать.

Гвира взяла тетрадь, осторожно открыла, насколько позволяли потрёпанные листы. Водила пальцем по строчкам, шевелила губами, иногда останавливалась, перечитывала. Лицо её было сосредоточенным, почти суровым.

— Здесь многое непонятно, — сказала она после долгого молчания. — Язык старый, слова изменились, некоторые я не понимаю вовсе.

— Что ты поняла?

Она пролистала дальше, нашла нужное место.

— Он пишет про трущобы. Про то, что хотел проверить один слух. Про какие-то старые тоннели, которые ведут за пределы города.

— За пределы?

— Да. Там, — она подняла глаза на Закара. — За стенами.

Закар помолчал.

— Что там?

— Не знаю. Нахаш не успел написать. Только пометка: *«Был там. Всё хуже, чем мы думали»*. И ещё одно слово — «Шамеш».

— Шамеш. То же самое, что на той вещи.

— Я видела его в свитках, — Гвира покачала головой. — Не знаю, что оно значит. Может, «солнце». Может, «свет» или «Божество». Или что-то ещё.

Она закрыла тетрадь, протянула обратно.

— Ты должен пойти туда, Закар. За стены. Посмотреть, что там. Может, найдёшь ответы.

— А ты?

— Я буду копать здесь. В храме. В свитках. Может, найду что-то, что Нахаш упустил.

Она посмотрела ему прямо в глаза. В её взгляде было что-то такое, от чего у Закара заныло под ложечкой — не страх, но предчувствие. Тяжёлое, липкое, как та кровь на песке.

— Будь осторожен, — сказала она. — Я не знаю, что там, за стенами. Но знаю — отсюда никто туда не ходит.

— Я вернусь, — сказал Закар.

— Надеюсь.

Она ушла, растворилась в темноте. Закар остался стоять, сжимая в руке тетрадь.

В казарме было тихо.

Закар лежал на лежанке, смотрел в потолок и слушал, как дышат другие стражники. Иона спал, свернувшись калачиком, его грудь мерно вздымалась и опускалась. Кто-то в углу бормотал во сне, кто-то скрипел зубами.

Закар не спал. Тетрадь лежала под подушкой. Он знал, что не сможет её прочитать, но всё равно иногда вытаскивал, листал, водил пальцем по строчкам, пытаясь угадать смысл. Бесполезно. Буквы оставались буквами, слова — чужими и непонятными.

Находка из кармана Нахаша лежала там же, в кармане, рядом с обрывками карты и помятыми листками бумаги. Они молчали

За стенами.

Он не знал, что там. Но утром он пойдёт.

ГЛАВА 4: «КРОВЬ И ВОДА»

ГЛАВА 4: «КРОВЬ И ВОДА»

Утро: Гвиры

Келья Гвиры была маленькой — каменный мешок с узкой лежанкой, глиняным кувшином для воды и вырезанным в стене солнечным знаком: круг с расходящимися лучами. Солнце смотрело на неё даже во сне.

Она проснулась за час до утренней молитвы, как и всегда. Спала мало — но привыкла. Тело болело после вчерашнего дня, когда она просидела в приделе слишком долго, согнувшись над свитками. Шея затекла, спина ныла. Гвира села, потёрла затылок.

Из-за стены послышалось тихое шуршание — Тамар тоже проснулась.

— Ты идёшь? — спросила Гвира шёпотом.

— Да, — донёлся приглушённый голос. — Подожди меня у омовельни. Я быстро.

Гвира накинула плат, сунула ноги в сандалии. Кувшин был почти полон — недавний дождь наполнил храмовые цистерны, и воды давали больше, чем обычно. Это было редкое облегчение. Гвира смочила лицо, руки, шею, вытерлась краем плата. Она вышла в коридор

Омовельня находилась в восточном крыле храма — низкое, тёмное помещение с каменным полом, наклонённым к центру. Вдоль стен тянулись желобки, по которым стекала вода в подземные резервуары. Каждая капля здесь была на счету. Жрецы следили, чтобы ни одна не упала мимо.

Сегодня в омовельне былолюдно. Младшие жрицы толпились у чаш с водой, старшие проверяли, хватает ли всем. Шуламит стояла у входа, опершись на посох, и смотрела на женщин сонными глазами

— Быстрее, — сказала она, не повышая голоса. — Солнце ждёт. И не пролейте.

Вода была холодной, пахла глиной и чем-то ещё — может быть, самой глубиной, откуда её доставали. Гвира зачерпнула горстью, смочила лицо, руки, шею. Струйки стекали в желобки, тихонько журча.

Тамар появилась через несколько минут, запыхавшаяся. За ней тянулась вереница простых людей — женщины с детьми, старики, несколько стражников в потрёпанной форме. Они терпеливо ждали своей очереди, не переговариваясь.

— Опаздываешь, — заметила Шуламит.

— Простите, — Тамар опустила голову и юркнула к чаше.

Гвира помогла старухе донести ведро — та еле передвигала ноги, но отказывалась пропускать омовение.

— Без него солнце не примет мою молитву, — прошамкала старуха. — Я должна быть чистой.

Они вместе вышли в коридор.

Главный зал уже был полон. Жрецы и жрицы в белых одеждах стояли в первых рядах, за ними — простые люди. Все ждали. В центре, на возвышении, чернел камень — гладкий, блестящий, как зеркало. По краям — желобки, уходящие в темноту.

Верховный епископ Авигдор поднялся на ступени.

Голос его был сильным, почти молодым. Он заговорил на древнем языке, который никто уже не понимал. Гвира вслушивалась в слова — знакомые звуки выпрыгивали из чужой речи. *Шамеш*. *Дам*. *Маим*.

— На колени, — велела Шуламит.

Все опустились. Пол был холодным. Гвира прижалась лбом к камню и почувствовала, как под ней что-то загудело — тихо, едва слышно. Алтарь дышал. Она не знала, что это, но почувствовала — что-то не так.

Жарко. Пот выступил на лбу, потек по щекам, собираясь на подбородке. Гвира не вытирала — так полагалось. Капли падали на камень, стекали в желобки и исчезали. Дар солнцу.

Рядом стояла женщина с младенцем. Ребёнок плакал — тонко, надрывно. Ему было жарко, душно, он не понимал, зачем его сюда принесли. Гвира покосилась на мать — лицо женщины было мокрым от слёз и пота, губы шевелились в беззвучной молитве.

Ребёнок заплакал громче. Кто-то из жрецов обернулся, посмотрел с укором. Женщина прижала младенца к груди, закачала, зашептала что-то успокаивающее.

Но он не замолкал.

А потом вдруг затих. Гвира подняла голову — ребёнок обмяк, голова свесилась набок. Женщина затряслась.

— Шуламит, — позвала Гвира. — Ему плохо.

Шуламит подошла, посмотрела на младенца, на мать, на алтарь.

— Вынесите, — сказала она негромко. — Солнце не принимает слабых.

Двое жрецов подхватили женщину под руки, вывели из зала. Ребёнка несли впереди, как куль. Гвира смотрела им вслед и не могла отвести взгляд.

Почему солнце забирает слабых? — думала она. — *Разве оно не для всех?*

Никто не ответил. Молитва продолжалась

После молитвы — раздача. Шуламит обходила ряды с подносом, на котором лежали маленькие куски — хлеб, иногда сушёное мясо. «Благодать солнца».

— За твой дар, — говорила Шуламит. — Солнце приняло его. Будь достойна.

Гвира взяла свой кусок. Хлеб был чёрствым, крошился в пальцах. Она съела его в два укуса, запила водой из общей чаши.

Сегодня Гвире велели помогать с раздачей. Шуламит протянула ей поднос с остатками еды.

— Иди к тем, кто сзади. Они ждали дольше всех.

Гвира пошла. В задних рядах стояли самые бедные — те, кто не смог пробиться ближе к алтарю. Худые, бледные, с пустыми глазами. Дети жались к матерям, старики опирались на палки.

К ней подошла женщина с маленькой девочкой — лет пяти, не больше. Худенькая, бледная, с огромными глазами. Девочка смотрела на куски на подносе и облизывала губы.

Можно нам? — спросила женщина. — Мы сегодня уже молились. Я... я не знаю, хватит ли у меня сил на вторую молитву, но дочке нужно поесть.

Гвира протянула девочке кусок. Ребёнок схватил его обеими руками, впился зубами. Женщина заплакала.

— Спасибо, — прошептала она. — Да пребудет с тобой солнце.

Гвира ничего не ответила. Она видела такие глаза раньше — у детей в трущобах, у стариков, которые умирали на улицах. И ничего не могла с этим сделать.

Полдень — самая тяжёлая молитва. Солнце стояло в зените, жгло даже сквозь толстые стены храма. Воздух в зале был горячим, тяжёлым, его не хватало.

Люди падали. Сначала один — пожилой мужчина в поношенной одежде. Он просто осел на пол, как мешок с песком. Жрецы подхватили его, вынесли. Потом второй — женщина, которую Гвира видела на утренней молитве. Она стояла с открытыми глазами, смотрела вперёд, но взгляд был пустым. Гвира поняла — она в забытьи.

— Помогите ей, — позвала она.

Тамар подскочила, подхватила женщину под руку. Вдвоём они вывели её в коридор, прислонили к стене.

— Воды, — прошептала женщина. — Пожалуйста... воды...

Тамар принесла кружку, наполнила из общей чаши. Женщина пила жадно, расплёскивая, кашляла.

— Сколько ещё? — спросила она. — Сколько можно мучиться?

Гвира не знала ответа. Она помогла женщине подняться, вернулась в зал.

Молитва всё шла.

Кто-то из верующих — мужчина средних лет, крепкий, с мозолистыми руками — стоял на коленях, прижавшись лбом к алтарю. Его тело дрожало. Пот заливал глаза, стекал по подбородку, капал в желобки.

— Я не могу больше, — прошептал он, когда Гвира проходила мимо. — У меня нет сил.

— Терпи, — ответила она.

— Я лучше отдам кровь, — сказал он. — Чем так мучиться.

Гвира замерла.

— Что ты сказал?

— Кровь, — повторил он. — Я слышал, что если нет сил терпеть, можно предложить что-то более ценное. Моя кровь дороже для меня моих слез или пота. Солнце принимает и такой дар. Правда?

Гвира не знала. Она посмотрела на Шуламит — та стояла у алтаря, наблюдала за верующими, не вмешиваясь.

— Я спрошу, — сказала Гвира. — Жди.

Но ответа она не получила. Молитва кончилась раньше, чем она успела дойти до старшей жрицы.

После полуденной молитвы к Шуламит подошёл тот самый мужчина. Его лицо было красным, опухшим, глаза слезились.

— Я прошу, — сказал он. — У меня нет больше сил стоять на коленях. Позвольте мне отдать кровь. Сколько нужно?

Шуламит посмотрела на него долго. Потом достала из складок одежды маленький острый нож.

— Совсем немного, — сказала она. — Солнце примет любой дар. Главное — искренность.

Она взяла его за руку, сделала надрез на указательном пальце. Кровь капнула в желобок алтаря, смешалась с потом и водой.

Мужчина вздохнул — облегчённо, почти счастливо.

— Спасибо, — сказал он. — Да пребудет с вами солнце.

Он ушёл. Гвира смотрела ему вслед, потом перевела взгляд на алтарь. Кровь уже впиталась в камень, исчезла. Только маленькое тёмное пятно осталось на том месте, где упала капля.

Почему кровь? — думала Гвира. — Почему нельзя просто терпеть?

Она не знала ответа. Но запомнила.

Вечером, перед последней молитвой, Гвира снова ушла в придел.

Здесь было тихо, пыльно, пахло плесенью и временем. Свитки лежали на полках, рассыпаясь при малейшем прикосновении.

Она нашла ещё один. На полях, рядом с рисунком круга и расходящихся лучей, было выведено крупно, жирно: *«Шамеш»*. А под ним — ещё два слова. Одно она узнала: *«дам»*. Кровь. Второе было незнакомым — буквы плясали, не складывались в звуки. Гвира провела по ним пальцем, но смысл ускользал.

Она переписала знаки на обрывок ткани, который носила с собой под платом.

Вход скрипнул. Гвира вздрогнула, сунула свитки в кучу.

— Ты здесь, — сказала Тамар. — Я искала тебя.

— Я... готовилась к вечерней молитве.

— Лжёшь, — Тамар подошла ближе, заглянула в грудку свитков. — Что ты ищешь, Гвира? Скажи мне. Я не Шуламит, я не донесу.

Гвира помолчала. Потом сказала:

— Слово. «Шамеш». Я видела его на старой вещи Закара. И здесь оно повторяется. Я хочу знать, что оно значит.

Тамар нахмурилась.

— Это древнее слово. Я слышала его в молитвах. Кажется, оно означает «солнце». Или «свет».

— А ещё «Дам»? — спросила Гвира. — И что-то ещё, что я не могу прочитать?

Тамар пожала плечами.

— Не знаю. Я не учёная. Но Шуламит говорила, что в старых текстах много тайн, которые лучше не трогать.

— Почему?

— Потому что знание — это опасность, — Тамар посмотрела ей прямо в глаза. — Ты хочешь узнать правду, Гвира? А если правда окажется такой, что ты не сможешь её вынести?

Гвира не ответила

К вечерней молитве вернулись в главный зал. Светильники горели тускло, отбрасывая длинные, искажённые тени.

Молитва была короче утренней. Гвира стояла на коленях, прижималась лбом к камню, почувствовала, как под алтарём гудит. Сегодня гул был громче, чем обычно. Или ей показалось?

После молитвы Шуламит поднялась на ступени.

— Завтра день очищения, — объявила она. — Готовьтесь. Солнце ждёт ваших даров. Не скупитесь. Чем больше вы отдадите, тем щедрее оно вознаградит вас.

Тамар побледнела. Гвира сжала зубы.

Они вышли из зала вместе.

— Ты пойдёшь? — спросила Тамар.

— Должна, — ответила Гвира. — Иначе мы не получим благодати.

— Но это унижительно.

— Всё унижительно, — Гвира остановилась, посмотрела на подругу. — Мы молимся солнцу, которое не слышит нас. Мы даём ему пот, а взамен получаем крошки хлеба. Мы называем это жизнью. Что тут не унижительно?

Тамар ничего не сказала. Только отвела взгляд.

Казарма была рассчитана на десять человек — десять лежанок, десять тюфяков, набитых сухой травой, десять пар сапог, составленных у изголовья. Кровати стояли близко — так близко, что можно было проснуться от того, как сосед ворочается во сне, если ему снится кошмар.

Закар проснулся от того, что Иона возился рядом. В казарме было темно — масляные лампы догорели ещё вчера, а новые никто не зажёл. Закар не знал, сколько времени, но чувствовал — скоро солнце начнёт разгораться. Небо за окном было ещё тёмно-оранжевым, почти красным.

Иона уже натягивал сапоги. Он сидел на краю лежанки, затягивал ремни, потом нашарил на полу маленькую тряпицу, развернул. На ладони лежал металлический символ — круг с расходящимися лучами, вырезанный из тонкого железа. Иона надел его на шею, поправил, чтобы лежал ровно.

Закар видел это каждое утро. Иона никогда не пропускал.

— Ты куда? — спросил Закар спросонья.

— В церковь, — ответил Иона, застёгивая ворот рубахи. — Надо успеть до того, как солнце разгорится.

Закар сел на лежанке, потёр лицо.

— Иона, — сказал он. — Я хочу пойти на окраину. Сегодня.

Иона поднял брови.

— Зачем?

— Надо.

— Надо? — Иона усмехнулся. — Ты говоришь так, будто собрался на войну.

— Может быть.

Иона посмотрел на него долго. Усмешка сползла с его лица.

— Ты серьёзно?

— Вполне.

— А как же патруль?

— Я попрошу начальника поставить нас на дальний участок. Ты прикроешь меня, пока я буду делать своё дело.

Иона помолчал.

— Ладно, — сказал он. — Только не пропадай.

Он встал, проверил, висит ли символ на груди, и вышел.

Закар подождал, пока шаги затихнут, потом поднялся, натянул сапоги и вышел во двор. Начальник был уже на ногах — пил воду, разминал шею.

— Ты чего так рано? — спросил он.

— Хочу попросить, — Закар помолчал. — Поставь нас с Ионой в патруль на дальний участок.

— Зачем?

— Надо.

Начальник посмотрел на него. Не спросил, зачем именно. Не спросил, что он там забыл. Просто кивнул.

— Ладно. Скажу дежурному.

Закар вернулся в казарму. Иона ещё не пришёл.

Он сел на лежанку и стал ждать.

Иона пришёл в церковь затемно. Здесь было темно, как и снаружи, но по-другому. Свет от масляных ламп, которые жрецы зажигали перед началом цикла, не разгонял тьму, а делал её густой, почти осязаемой.

Для Ионы храм всегда был чем-то невероятным. Ещё в детстве, когда отец впервые привёл его сюда, он почувствовал не просто жар — он почувствовал величие. Стены здесь были не такие, как в других зданиях города. Гладкие, холодные, с едва заметными швами, они, казалось, были высечены из одного гигантского камня. Иона не знал, что это за камень. Знал только, что он особенный — что он связан с солнцем, что здесь, в этих стенах, солнце может услышать его голос.

Он встал у алтаря, опустил на колени. Прижался лбом к холодному камню и замер.

Жарко. Душно. Пот выступил на лбу, потек по щекам, собираясь на подбородке. Капли падали на камень, стекали в желобки и исчезали. Это был дар солнцу. Искупление грехов. Чем больше он мучается, тем чище становится. Тем больше сил солнце даст ему.

Он поднял голову и увидел её.

Жрица стояла у входа в боковой придел. Молодая, смуглая, с длинной косой, перетянутой чёрной лентой. Глаза у неё были большими, тёмными — такими, что в них можно было утонуть. Она что-то поправляла на алтаре — негромко, без суеты.

Иона видел её раньше, но никогда не говорил с ней. Сегодня она сама подошла.

— Ты новенький? — спросила она.

Иона поднялся с колен, одёрнул форму.

— Нет, — ответил он. — Я уже год здесь молюсь.

— А я тебя не замечала.

— Я обычно не привлекаю внимания.

Она улыбнулась. Иона почувствовал, как краснеет.

— Меня зовут Тамар, — сказала она.

— Иона.

— Красивое имя.

— Моя мать дала. Она верила, что я буду защитником.

Тамар посмотрела на его форму, на палку на поясе.

— Ты стражник?

— Да.

— И часто молишься?

— Каждый день.

Она кивнула. Кажется, ей это понравилось.

— А раньше ты ходил в другой храм? — спросила она.

— Да. Тот, что у южных ворот.

— Почему перешёл сюда?

Иона замялся. Потом сказал:

— Потому что там не было таких красивых жриц.

Тамар засмеялась. Иона засмеялся следом, хотя ему было неловко.

— Ты говоришь прямо, — сказала она.

— Я не умею иначе.

Она посмотрела на него долго. В её тёмных глазах мелькнуло что-то — может быть, интерес. А может быть, просто вежливость.

— Солнце любит тех, кто верен, — сказала она. — Чем больше ты отдаёшь ему, тем больше оно даёт взамен.

— Я знаю.

— Тогда продолжай.

Она ушла. Иона остался стоять у алтаря, сжимая в руке край стола.

Сердце билось чаще обычного.

Иона вернулся в казарму, когда солнце уже разгорелось до полной яркости. Закар сидел на лежанке, зашнуровывал сапоги.

— Ты уже встал? — спросил Иона. — Я думал, ты спишь.

— Нет, — ответил Закар. — Я ходил к начальнику.

— Зачем?

— Поставил нас в патруль на дальний участок.

Иона кивнул. Он уже знал — Закар говорил об этом утром. Но всё равно внутри шевельнулась тревога.

— Когда?

— Сегодня.

Иона взял свою палку, проверил голубой наконечник.

— Пошли, — сказал он.

Они вышли из казармы, когда солнце разгорелось. Небо над головой было ослепительно-оранжевым, тени под ногами — короткими, чёткими.

Сначала шли привычные улицы — широкие, с чистыми домами и натянутыми тряпками, которые давали тень. Люди улыбались, дети играли в «пять камней» прямо на песке. Где-то шипело масло на сковородке — запах жареных лепёшек разносился по кварталу. Торговцы раскладывали товар, женщины несли воду из колодцев. Город жил. Небогато, но терпимо.

— Ты видел её? — спросил Иона, когда они свернули в переулок.

— Кого?

— Жрицу. Тамар.

— Нет.

— Она сегодня говорила со мной.

Иона замолчал, потом продолжил:

— У неё глаза как у лани. И коса длинная, до пояса. Она сказала, что солнце любит верных. Как ты думаешь, это намёк?

— На что?

— Ну... что я должен чаще ходить в церковь?

Закар пожал плечами.

— Не знаю, — сказал он. — Я не разбираюсь в женщинах.

— А она красивая, — мечтательно произнёс Иона. — И молится искренне.

Закар ничего не ответил. Он думал о своём.

На перекрёстке они наткнулись на шум.

Несколько человек столпились у лавки с лепёшками. В центре, прижатый к стене, стоял тощий парень в рваной одежде. В руке он сжимал краюху хлеба — видимо, только что схватил с прилавка.

— Вор! — кричала торговка, женщина с красным от жары лицом. — Схватите его! Парень не сопротивлялся. Стоял, опустив голову, и сжимал хлеб так, что пальцы побелели.

— Отдай, — сказал кто-то из толпы.

— Нет, — парень поднял голову. Глаза у него были мутными, больными — не от болезни, от голода. — Я не ел три дня.

— Плевать, — торговка рванула хлеб из его рук. Парень вцепился мёртвой хваткой.

И тут Закар заметил. У парня на шее болтался металлический символ — круг с расходящимися лучами. Солнце. Потёртый, но чистый.

Иона тоже увидел.

— Отпусти, — сказал он торговке.

— Он украл!

— Я вижу. Отпусти.

Торговка отпустила. Парень прижал хлеб к груди.

Иона подошёл ближе, взял в руки символ.

— Ты носишь солнце, — сказал он.

— Да. Каждое утро молюсь. Но последние дни у меня нет сил даже на это.

— Почему ты не продал его? На эти деньги можно купить еды.

Парень посмотрел на него. В глазах — непонимание.

— Продать солнце? — переспросил он. — Как можно продать солнце?

Иона повернулся к женщине.

— Отдай ему лепёшку.

— Что?

— Он истинный слуга солнца. Солнце наградит тебя за доброту.

Торговка хотела спорить, но Иона смотрел на неё так, что она проглотила слова. Протянула парню ещё одну лепёшку — сухую, чёрствую, но это была еда.

— Спасибо, — прошептал парень. — Да пребудет с вами солнце.

Он ушёл, прижимая хлеб к груди. Иона смотрел ему вслед, довольный.

— Он не продал символ, — сказал он. — Даже голодный. Это вера.

Закар ничего не ответил. Они пошли дальше.

Постепенно улицы становились уже. Дома — ниже, с заколоченными окнами. Песок — глубже, он хрустел под сапогами и забивался в складки одежды.

Людей здесь было меньше. Те, кто попадался, не смотрели в глаза. Худые, сторбленные, они передвигались медленно, как в полусне.

Иона замолчал. Он больше не говорил о Тамар.

Закар смотрел по сторонам. Пустые дома, засыпанные песком. Высохшие колодцы. Запах гнили и сухой пыли вместо запаха еды.

— Ты видишь? — спросил он.

— Что? — Иона поднял голову.

— Город умирает.

— Город живёт, — ответил Иона. — Ты просто смотришь не туда.

У высохшего колодца они наткнулись на старуху.

Она сидела на камне, раскачивалась вперёд-назад и что-то бормотала.

— Солнце смотрит, — услышал Закар. — Оно смотрит на нас. Оно знает. Оно видит каждый грех, каждую каплю...

— Что она говорит? — спросил Иона.

— Не знаю.

— Солнце действительно смотрит, — сказал Иона. — Оно видит всё. Каждый наш шаг, каждую мысль.

Старуха подняла голову. Глаза у неё были белыми, мутными.

— Смотрит? — переспросила она. — Ты думаешь, оно смотрит? Глупый мальчик. Оно не смотрит. Оно — просто огненный шар. У него нет глаз. Нет ушей. Нет души.

Иона побледнел.

— Не смей.

— Оно не забирает грехи, — продолжала старуха, не обращая внимания. — Оно забирает воду. Забирает жизнь. А вы молитесь ему. Вы смешные.

— Я сказал — не смей!

Иона шагнул вперёд. Закар перехватил его руку.

— Не надо, — сказал он. — Она сумасшедшая.

— Она богохульствует! Солнце смотрит! Оно всё видит!

— Оно ничего не видит, — прошептала старуха. — Оно просто висит и жжёт. И однажды оно сожжёт всё.

Иона рванулся было к ней, но Закар удержал.

— Идём, — сказал он. — Не обращай внимания.

— Она оскорбляет солнце!

— Она больная. Идём.

Иона вырвался, выругался сквозь зубы, но пошёл прочь.

Старуха смотрела им вслед и усмехалась.

— Бегите. А солнце всё равно сожжёт вас.

Они оставили её у колодца. Она ещё долго бормотала что-то вслед, но слов было не разобрать.

Они прошли ещё немного. Дома здесь стояли пустые, с заколоченными окнами и провалившимися крышами. Кое-где песок засыпал пороги, но сами дома ещё держались. Вдалеке, на самом краю, виднелась стена — серая, огромная, уходящая куда-то вверх, в оранжевое небо. До неё было ещё далеко. Может быть, час ходьбы. Может быть, два. Закар не знал. Но знал, что когда-нибудь дойдёт.

— Дальше не пойду, — сказал Иона, останавливаясь.

Закар обернулся.

— Что?

— Дальше — пустошь. Солнце там жжёт сильнее. Люди оттуда уходят. А те, кто остаются, не молятся. Они забыли солнце.

Закар посмотрел на друга. На его символ, висящий на груди. На его лицо, в котором не было страха — была убеждённость.

— Иона, — сказал он. — Ты веришь, что солнце смотрит на нас. Что оно видит всё. Но почему тогда здесь, на окраине, оно жжёт сильнее? Почему оно убивает тех, кто не может уйти? Почему оно не щадит детей и стариков?

Иона молчал. Потом сказал:

— Мои родители рассказывали мне одну историю.

— Какую?

Иона поднял голову, посмотрел на оранжевое небо. Солнце висело в зените, ослепительное, жаркое. Он сощурился, но не отвёл взгляда.

— Давно, когда солнце было добрым, жил один демон. Он завидовал. Он хотел власти над всеми. И он украл солнце. Не само солнце — он украл его силу. Сделал её своей. И солнце стало таким, какое мы видим.

— Где он теперь?

— На окраинах, — ответил Иона. — Он прячется у самых стен. Поэтому солнце там жжёт сильнее всего. Оно пытается выжечь его, уничтожить. Но демон сильный. Он выживает. А мы... мы страдаем.

— Поэтому город сжимается? — спросил Закар.

— Да, — сказал Иона. — Люди бегут от жара. Солнце злится. Оно не может поймать демона, и оно сжигает всё, до чего может дотянуться. Чем меньше людей верит, тем оно злее. Вот почему мы должны молиться. Вот почему мы должны приносить дары. Чтобы солнце знало — мы на его стороне.

— А если кто-то не верит?

— Тогда он на стороне демона, — жёстко ответил Иона. — И его надо наставлять. Пока не поздно.

Иона повернулся и пошёл обратно.

— Ты не пойдёшь? — крикнул он, не оборачиваясь.

— Нет.

— Зря. Там ничего нет.

Иона ушёл. Его шаги затихали, пока не растворились в ветре. Закар остался один.

Вокруг не было ни души. Только песок, камни и старые дома, в которых давно никто не жил. Вдалеке виднелась стена — серая, огромная, уходящая куда-то вверх, в оранжевое небо. До неё было ещё далеко. Может быть, час ходьбы. Может быть, два. Закар не знал. Но знал, что когда-нибудь дойдёт.

Он сел на песок, прислонился спиной к стене полуразрушенного дома и закрыл глаза. Ветер нёс песок, забивался в складки одежды, скрипел на зубах. Где-то далеко шумела пустошь. Он думал о Нахаше. О том, как тот стоял здесь когда-то. Что он чувствовал? Страх? Отчаяние? Надежду? Закар не знал. Но знал, что не уйдёт. Не сейчас. Он будет сидеть здесь, слушать ветер и ждать.

ГЛАВА 5: «ПУСТАЯ ЗЕМЛЯ»

Закар шёл, и город вокруг него умирал.

Не сразу. Сначала просто улицы стали шире, дома ниже, песок глубже. Он миновал квартал, где когда-то жили ремесленники — теперь здесь стояли только обгоревшие остовы, и ветер свистел в пустых оконных проёмах, как в рёбрах мертвеца. Потом пошли поля.

Он узнал это место. Здесь когда-то росла пшеница. Сейчас земля превратилась в сухую, потрескавшуюся корку, из которой торчали редкие, ссохшиеся стебли. Ветер нёс песок, и он ложился на борозды, засыпая их, как хоронил.

Закар шёл по краю поля, и сапоги утопали в песке. Солнце висело в зените, жгло нещадно. Тени под ногами были короткими, чёткими, и город вокруг казался вымершим. Он снял флягу, отпил — маленький глоток, самый маленький, какой только мог. Вода была тёплой, почти горячей, и не утоляла жажду, а только напоминала о том, что её скоро не станет.

За ним остались поля. Впереди раскинулись пустыри — огромные пространства, где когда-то были деревни. Теперь от них остались только груды камней, засыпанные песком, и редкие столбы, торчащие из земли, как пальцы мертвеца. Закар шёл по этим пустырям, и ему казалось, что конца им не будет.

Он прошёл мимо давно высохшего колодца. Когда-то здесь была целая улица — несколько домов, сарай, общий колодец. Теперь от домов остались только груды камней, от сарая — несколько торчащих из земли брёвен. Колодец зиял чёрной дырой, и Закар не стал заглядывать в него — он знал, что там, на дне, только песок и тишина.

Ноги гудели, спина ныла, в горле пересохло. Солнце висело в зените, но Закар не мог сказать, как давно оно там. Оно всегда было там. И всегда будет.

Дальше пошли сады.

Деревья стояли голые, без единого листа, и тянули свои чёрные ветки к небу, будто молили о дожде. Кора облупилась, треснула, и из трещин сыпалась труха. Закар провёл рукой по стволу одного из них — дерево зашаталось и с глухим скрежетом рухнуло, подняв облако пыли. Он обошёл его и пошёл дальше.

Сады тянулись долго. Закар потерял счёт времени. Он шёл и шёл, а деревья всё не кончались — мёртвые, чёрные, они стояли по обе стороны от дороги, как молчаливые свидетели того, что здесь когда-то была жизнь.

Наконец сады кончились. Начались фермы.

Фермы встретили его тишиной. Когда-то здесь мычали коровы, хрюкали свиньи, куры сустились под ногами. Теперь стойла стояли пустые, кормушки сгнили, и в них выросла какая-то бледная, больная трава — единственная зелень, которую Закар видел за весь день. Он заглянул в один из загонов. На земле белели кости, рассыпавшиеся от времени — кто-то большой, с рёбрами, похожими на дуги. Закар не знал, корова это или бык. Да и какая разница?

Он обошёл фермы и вышел к пустоши.

Здесь домов уже не было. Только песок, камни и редкие кусты, давно высохшие и превратившиеся в колючие комья. Стена выросла на горизонте — серая, огромная, уходящая вверх. Она была всё ещё далеко, но Закар видел её отчётливо — и знал, что рано или поздно дойдёт.

Он шёл.

Ноги гудели, спина ныла, в горле пересохло. Он отпил ещё раз — фляга была уже наполовину пуста.

Он шёл дальше.

Он остановился у края высохшего поля. Песок здесь был мельче, и кое-где из-под него ещё виднелись остатки борозд — параллельные линии, уходящие вдаль, к горизонту. Он смотрел на них и не мог отвести взгляд.

Вот здесь, на этом самом месте, когда-то росла пшеница.

Он помнил это поле не таким. Оно было огромным — таким огромным, что в детстве ему казалось, будто оно тянется до самого солнца. Земля здесь была чёрной, жирной, пахла дождём и перегноем. Весной отец выходил в поле затемно, брал плуг и шёл по бороздам, не оглядываясь.

Закар сидел под старым деревом на краю поля и смотрел, как отец ходит туда-сюда, от одного края до другого. Мать носила воду — тяжёлые вёдра, полные до краёв, и ставила их в тень, чтобы отец мог напиться, когда закончит.

— Почему ты не отдыхаешь? — спросил однажды Закар.

Отец вытер пот со лба, улыбнулся.

— Потому что земля не ждёт, сынок. Она живёт по своим часам. И если ты опоздаешь, она умрёт.

— А что будет, если она умрёт?

Отец посмотрел на поле, потом на небо. Солнце было ярким, тёплым, не жгло — грело.

— Тогда мы умрём, — просто ответил он. — Все умрём.

Закар не понял тогда. Он был слишком маленьким. Но запомнил.

Теперь поле было мёртвым. И оно убило всех, кто здесь жил.

Закар стоял на краю и смотрел на сухие борозды, засыпанные песком. Ветер нёс пыль, и она оседала на лице, смешиваясь с потом.

Он закрыл глаза.

Когда он открыл их, поле стало другим.

Земля была тёмной, влажной, и отец шёл по ней с плугом — молодой, сильный, с голыми руками, блестящими от пота. Мать несла ведро, ставила его в тень, садилась на траву и смотрела на отца, улыбаясь. Закар сидел под деревом, в котором ещё была жизнь, и грыз яблоко — кислое, зелёное, с шершавой кожурой.

— Папа, — сказал он.

Отец обернулся.

— Что?

— А солнце — оно живое?

Отец посмотрел на небо. Солнце светило ровно, не жгло — грело.

— Не знаю, — ответил он. — Может, и живое. А может, просто свет.

— А мама говорит, что оно нас слышит.

Отец усмехнулся.

— Мама много чего говорит.

— А ты не веришь?

Отец подошёл, сел рядом, вытер руки о штаны.

— Я верю в землю, сынок. Она кормит нас. Она поит нас. Она даёт нам жизнь. А солнце... солнце просто помогает.

Закар не знал, что это значит. Но запомнил.

Он открыл глаза. Поле снова стало мёртвым — сухим, серым, засыпанным песком. Он постоял ещё немного, потом повернулся и пошёл дальше.

Вот сад. Деревья — низкие, ветвистые, с зелёными яблоками. Мать рвёт их, складывает в корзину. Закар помогает, хотя ему всего пять лет. Он почти не достаёт до веток, но старается.

Мать даёт ему яблоко. Зелёное, кислое.

— Терпи, — говорит она. — Это наш урожай.

Он кусает. Морщится. Мать смеётся. Её смех — тёплый, живой. Закар помнит его до сих пор.

Мать не боялась солнца. Она говорила, что солнце — это подарок. Что тот, кто создал его, не хотел никому зла. Просто люди не поняли. Люди всегда боятся того, чего не понимают.

Закар тогда не знал, о чём она говорит.

Теперь знал.

Вот ферма. Коровы стоят в загоне, тяжело дышат. Свиньи возятся в грязи. Куры бегают по двору, клюют зерно. Закар кормит их, боясь быка, который стоит в углу и смотрит на него тяжёлым взглядом.

Отец гладит быка по голове.

— Он добрый, — говорит он. — Просто большой.

Закар не верит, но кивает.

Он помнит запах навоза, молока, свежего хлеба. Помнит, как мать доила корову утром, как отец колот дрова для печи. Это была бедная жизнь, но честная.

Теперь от всего этого остался только песок.

Вот дом. Небольшой, сложенный из камня и дерева, с крышей, крытой тёсом. Мать сидит у очага, Закар на коленях.

— Хочешь, расскажу тебе легенду? — спрашивает она.

— Про Чужака?

— Про Чужака.

Он кивает. Улыбается и начинает.

— Когда-то, очень давно, мир был холодным и тёмным. Люди прятались под землёй, дрожали, не видели друг друга. А потом пришёл ОН. Чужак. Не из наших родов. Говорили, он явился из глубины Морозов, из самого их сердца. Но внутри у него горел огонь. Не такой, как этот, — мать кивнула на очаг. — Настоящий. Тот, который не жжёт, а греет.

Закар слушает, не дыша.

— Он спросил у людей: «Можно, я согрею вас?» Они молчали. Боялись. Думали — обманет.

Мать замолкает, гладит его по голове.

— И тогда одна девушка, самая молодая и самая смелая, подошла к нему. Взяла за руку. И яркий свет озарил весь мир.

Отец, который чинит что-то у стола, поднимает голову.

— Чужак ослеп, — добавляет он. — Свет от его сердца был слишком сильным даже для него. Но он не жалел. Он улыбнулся.

— А люди? — шепчет Закар.

— А люди испугались, — мать вздыхает. — Они не поняли света. Они увидели его пустые глаза, его молчание и заклеямили его демоном. Сделали его лицо страшным из камня.

— Он ушёл?

— Он ушёл. Но перед этим сказал: «Моё сердце однажды вернётся. И заберёт то, что было отдано».

— Это проклятие?

Мать смотрит на отца. Тот молчит. Потом говорит:

— Мы думали, проклятие. А он... он просто хотел, чтобы его сын дышал.

Мать целует Закара в макушку.

— Верь не в страх, сынок. Верь в свет. А в остальном — не важно.

Потом всё сломалось.

Это случилось не постепенно. Всё сломалось в один день.

Закар проснулся от криков. Не человеческих — каких-то других, высоких, тонких, будто сам воздух вопил. Он выбежал во двор и увидел отца. Тот стоял на крыльце, задрал голову к небу, и смотрел на солнце — огромное, ослепительное, такое яркое, что на него нельзя было смотреть. Глаза слезились, по щекам текли слёзы, но он не отводил взгляда.

— Папа!

— Что-то случилось, — сказал отец. Голос был чужим, неживым. — Сломалось. Оно сломалось.

И в этот момент небо вспыхнуло.

Не молния — нет. Молния бьёт и гаснет. А это было иначе. Солнце будто дёрнулось, разгорелось так, что Закар зажмурился даже сквозь закрытые веки. Тепло стало жаром, жар — огнём. Воздух загудел, как перед землетрясением.

А потом с неба начали падать птицы.

Закар услышал их раньше, чем увидел. Крики — не пение, а крики ужаса, высокие, тонкие. Он поднял голову и увидел стаю. Чёрные точки на оранжевом небе кружились, бились друг о друга, потом замертво падали вниз. Одни шлёпались о крыши, другие — прямо в песок, в огороды, в колодцы.

Одна упала рядом с Закаром.

Маленькая, серая, с закотившимися глазами. Клюв открыт, будто она пыталась крикнуть, но не успела.

Отец смотрел на неё, потом снова на небо

— Беги в дом, — сказал он. — Не выходи. Слышишь? Не выходи.

Закар побежал. Мать уже была внутри, забилась в угол, прижимала к груди тряпку. Она не плакала — она тряслась.

— Что случилось? — спросил Закар.

Мать не ответила. Она смотрела на стену, на солнечный знак, вырезанный в камне.

— Грехи, — прошептала она. — Наши грехи.

Закар не знал, что такое грехи. Но запомнил это слово.

Через несколько дней люди начали болеть.

Сначала старики. У них шла кровь из носа, и они ничего не могли с этим сделать. Потом дети. У Закара зачесалась кожа, покрылась красными пятнами. Мать мазала его жиром, но пятна не проходили, а только разрастались.

Соседская девочка, с которой Закар играл в «пять камней», перестала выходить из дома. А потом Закар увидел, как её выносили. Лицо было красным, опухшим, руки — в волдырях, как после ожога.

— Что с ней? — спросил Закар.

— Не смотри, — сказала мать и закрыла ему глаза ладонью.

Но он уже всё видел.

В городе началась паника. Жрецы ходили по улицам, размахивали кадилами и кричали:

— Солнце гневается на тех, кто верит демону! Кто верит не так — должен умереть!

Люди слушали. Люди боялись. Люди начали доносить друг на друга. Соседка, которая всегда улыбалась Закару и давала ему лепёшки, закричала на мать:

— Вы не ходите в церковь! Вы не приносите дары! Вы — слуги демона!

Мать побледнела.

— Мы верим в солнце, — сказала она. — Мы просто верим по-другому.

— Недостаточно!

Отец закрыл дверь.

— Бежать надо, — сказал он. — Пока не поздно.

Но бежать было некуда.

Толпа пришла ночью.

Закар проснулся от криков. Мать схватила его на руки, отец распахнул чёрный ход.

— Бегите! — сказал он. — Я задержу их.

— Нет!

— Бегите!

Закар видел, как они набросились на отца. С факелами, с палками, с криками: «Демоновы слуги!» Потом тени расступились, и отец лежал на земле. Не двигался.

Мать побежала. Она не оглядывалась. Закар оглянулся. Отец лежал ничком, лицом в песок.

Они прятались в подвале разрушенного дома. Мать кашляла. Из носа шла кровь. Кожа на руках покрывалась язвами — сначала маленькими, потом всё больше, они сливались в мокнущие красные пятна. Глаза потускнели, и мать перестала узнавать его.

- Не подходи, — говорила она. — Это от солнца. Оно внутри меня.

Закар не понимал, что значит «внутри». Но видел, как она тает с каждым днём. Кожа слезала клочьями, оставляя розовую, влажную плоть.

В последний день она прошептала:

- Помни легенду. Свет не убивает. Это люди убивают.

Она умерла, когда Закар держал её за руку. Он сидел рядом, пока тело не остыло. Ему было шесть лет. Отец говорил, что шесть лет — это много. Что он уже взрослый.

Теперь он был один.

Закар сидел в подвале до тех пор, пока запах не стал невыносимым. Потом вылез наружу.

Солнце висело в зените. Жгло. Он побрёл по пустым улицам. Мимо домов, мимо высохших колодцев, мимо полей, где когда-то росла пшеница. Теперь там был только песок.

Он не помнил, сколько прошло времени. Не помнил, как оказался в том месте. Помнил только голод. И холод — хотя солнце жгло, внутри было холодно.

А потом его кто-то нашёл. Или он нашёл их. Закар не хотел вспоминать эту часть...

Гвира сидела в забытом приделе, прижимая к груди потрёпанный свиток. Пыль щеколтала нос, пергамент крошился под пальцами, но она не обращала внимания. Перед ней лежала стопка старых записей — отчёты жрецов, списки, протоколы допросов.

Она нашла это случайно. Искала одно, наткнулась на другое. Свиток был о времени до великого гнева солнца, когда её ещё не было в храме, когда она была совсем маленькой и не понимала, что происходит вокруг.

Всё, что она знала о том времени, — это обрывки разговоров, которые она слышала позже, уже став жрицей.

Теперь она читала подробности.

В свитке говорилось о «еретиках» — тех, кто отказывался верить в солнце по правилам церкви. Тех, кто молился по-своему. Тех, кто не приносил дары. Их хватили на улицах, приводили в храм и «отпускали алые грехи».

Гвира перелистнула страницу. Дальше шли описания.

«Еретик из восточных фермерских районов, мужчина средних лет, обвинён в том, что учил детей молиться не у алтаря, а в полях. Признан виновным. Алые грехи отпущены в главном зале. Тело сожжено в трубе».

Гвира перечитала. Ей стало не по себе. Она не понимала, что значит «алые грехи», но чувствовала — это что-то страшное. Что-то, что её храм делает с людьми, которые просто верят по-другому.

Она перелистнула ещё несколько страниц. Списки имён, названия районов. «Восточные фермы», «Северные поля», «Окраины за старым колодцем».

Гвира отложила свиток. Руки дрожали.

Она представила себе ту ночь, Толпу с факелами. Крики. И человека, который стоял на пороге своего дома, заслоняя жену и сына.

Его убили не просто так. Его убили ритуально. В главном зале храма, где Гвира молилась каждое утро. Его кровь стекла в желобки алтаря, и жрецы объявили, что солнце приняло жертву.

Она не знала, почему она думает об этом именно сейчас. Может быть, потому что её друг шёл к стене, к тому самому месту. Может быть, потому что она чувствовала вину — за то, что служит храму, который убивал невинных.

Она спрятала свиток за пазуху и вышла из придела.

Ей нужно было подумать. Но думать было не о чем. Всё, во что она верила, трещало по швам.

Закар вынырнул из прошлого, как из мутной воды. Он стоял на том же месте, где только что видел отца, пахущего поле. Теперь вокруг был только песок и сухие стебли. Закар посмотрел на свои руки — на них не было крови. Но он знал, что она была.

Он сделал шаг вперёд. Стена стала ближе, но путь был еще долгий.

Гвира сидела в своей келье, сжимая в руках свиток. Она не плакала. Слёз не было.

Она думала о том, что скажет Закару, когда они встретятся. Скажет ли она ему правду, или промолчит?

Она не знала.

Гвира отложила свиток и закрыла глаза.

ГЛАВА 6: «АЛЫЕ ГРЕХИ»

Иона вернулся в казарму, когда солнце уже начало тускнеть. Он шёл долго. Один. Несколько раз оглядывался, надеясь увидеть Закара, но тот не появлялся. Путь от окраины до казармы занял больше времени, чем он думал. Ноги гудели, спина ныла, в горле пересохло. Фляга, которую он взял утром, была пуста уже несколько часов.

В казарме было тихо. Масляные лампы горели в углах, отбрасывая длинные, дрожащие тени. Другие стражники сидели на лежанках, чистили палки, играли в кости, переговаривались. Увидев Иону, они замолчали.

— Ты один? — спросил кто-то из угла.

Иона не ответил. Прошёл к своей лежанке, сел. Снял сапоги, потёр ступни.

— Где Закар? — начальник вышел из своей комнаты.

— Мы разошлись, — ответил Иона. — Он пошёл в храм, а я — в казарму.

— В храм?

— Да. Говорил, что хочет помолиться. У него последнее время... мысли тяжёлые.

Начальник посмотрел на него долго, потом кивнул.

— Ладно. Пусть молится. Завтра будет новый патруль.

Иона кивнул. Начальник ушёл. Он лёг на лежанку, закрыл глаза. Сердце колотилось где-то в горле. Он врал начальнику, и это было опасно. Но врать Закару было бы хуже. Он не знал, где его друг. Не знал, вернётся ли он. Но знал одно: он будет ждать.

Закар шёл. Ноги гудели, спина ныла, в горле пересохло. Фляга опустела ещё на рассвете. Стена на горизонте не приближалась.

Иона проснулся от того, что кто-то позвал его по имени. Он открыл глаза. В казарме было тихо — только храп, только скрип половиц под чужими телами. Масляные лампы догорали в углах, отбрасывая на стены дрожащие, маслянистые тени. Он повернул голову. Лежанка Закара была пуста.

Сердце кольнуло. Он знал, что Закар не вернулся. Знал ещё с вечера, когда ложился спать. Но надежда — глупая, детская надежда — заставляла думать, что друг просто задержался, что сейчас дверь откроется и он войдёт, усталый, но живой.

Дверь не открывалась

Иона сел, потёр лицо. Соседняя лежанка — Аарон — уже была пуста. Старый стражник вставал затемно, не любил валяться. Иона не знал, куда он ходил. Никто не знал. Он натянул сапоги, затянул ремни. Фляга была пуста. Воды в казарме не было уже три дня. Он повесил её на пояс, накинул форму, проверил палку. Всё на месте.

Когда он вышел во двор, солнце ещё не начало разгораться. Небо было тёмно-оранжевым, почти красным. В этом свете казарма казалась чужой, незнакомой. Иона постоял немного, глядя на стену, за которой скрылся вчера Закар. Потом пошёл к начальнику.

Начальник уже был на ногах. Сидел у стола, перебирал бумаги. Увидев Иону, поднял голову.

— Закар где?

— В храме, — ответил Иона. — Он хотел помолиться перед патрулём.

Начальник посмотрел на него долго. Иона выдержал взгляд. Он врал, и врал плохо — чувствовал это по тому, как дрогнул голос. Но начальник не стал проверять.

— Ладно, — сказал он. — Сегодня ты в паре с Аароном. Закар пусть молится.

Иона кивнул и вышел.

Закар споткнулся, упал на колени. Песок обжёт ладони. Лежал, тяжело дыша. Рядом — колючий зелёный стебель. Кактус. Он разодрал его руками, прижал ко рту, выжал. Влага была горькой, но это была вода.

Улицы были пусты. Только редкие тени мелькали в проулках — дикие, наверное, или просто голодные, которым нечего терять. Иона не смотрел на них. Он шёл, глядя под ноги, и думал о Закаре. Он не знал, куда тот пошёл на самом деле. Не знал, что он ищет. Не знал, вернётся ли. Всё, что он знал, — это что он соврал начальнику и теперь ждёт.

У входа в храм он заметил их.

Кавраны. Их было четверо. Они несли носилки с телом, завёрнутым в грубую мешковину. Шли молча, не поднимая голов. Их чёрные балахоны сливались с темнотой, и если бы не факелы в руках, Иона мог бы их не заметить.

Он знал, кто они. Служители храма, низшая каста. Они собирали мёртвых по всему городу — тех, кто умер своей смертью, тех, кого некому было похоронить, тех, чьи судьбы не заслуживали отдельный ритуал. Они верили, что тело должно быть возвращено солнцу, чтобы душа обрела покой в вечном свете.

К ним относились с презрением. Они пахли смертью. Никто не хотел с ними говорить. Но без них церковь не могла бы исполнять свой долг перед умершими.

Иона посторонился, пропуская их. Один из кавранов поднял голову. Лица было не разглядеть — тень падала на глаза. Но Иона почувствовал, что тот смотрит на него.

— Солнце принимает всех, — сказал кавран. Голос был глухим, безжизненным.

— Я знаю, — ответил Иона.

Кавран кивнул. Они прошли мимо. Иона смотрел им вслед, пока они не скрылись за дверями храма. Он вошёл следом.

Вдалеке показались развалины. Закар не знал, что это. Может, мираж. Может, приют. Он пошёл туда.

В главном зале было тихо. Масляные лампы горели в углах, отбрасывая длинные, дрожащие тени. Пахло ладаном, старым камнем и ещё чем-то сладковатым, от чего кружилась голова. Иона прошёл к алтарю, опустился на колени.

Он пытался молиться, но слова не шли. Он думал о Закаре. О том, как тот стоял на краю пустынной улицы и смотрел на стену. О том, как Иона развернулся и ушёл, оставив его одного. Он думал о начальнике, о вчерашней лжи. Если начальник узнает правду, Ионе несдобровать. Но это было не важно. Важно было другое: Закар там, один, без воды, без еды, без поддержки.

Он поднял голову и увидел Тamar.

Она стояла у входа в боковой придел, смотрела на него. В её руках был поднос с кадильцем — дым поднимался вверх, закручивался спиралью, таял под потолком. Она была в белом одеянии, с длинной косой, перетянутой чёрной лентой. Глаза у неё были большими, тёмными. Она подошла ближе. Шаги её были тихими, почти неслышными.

— Ты рано, — сказала она.

— Я не спал, — ответил Иона.

— Что случилось?

— Закар ушёл.

— Закар? твой напарник?

— Да. Мой друг!

— Ушёл? Куда?

— Он ушел на окраину. К стене. Сказал, что ему нужно кое-что проверить.

— Один?

— Один.

Тамар замолчала. Дым от кадила поднимался вверх, закручивался спиралью.

— Зачем ему туда?

— Не знаю, — ответил Иона. — Он не сказал. А я не спросил.

Она посмотрела на него долго. В её тёмных глазах было что-то — может быть, сочувствие, может быть, беспокойство.

— Я буду молиться за него, — сказала она. — И за тебя.

Иона не ответил. Он опустил голову и закрыл глаза.

Гвира ходила по коридору храма уже третий час. Она не могла усидеть на месте. Не могла молиться. Не могла думать ни о чём, кроме свитков, которые нашла в забытом приделе. Они лежали у неё под платом — тяжёлые, древние, с выцветшими чернилами. Она перечитывала их столько раз, что выучила наизусть. «Алые грехи», «отпущение», «еретики из восточных фермерских районов». Эти слова жгли её изнутри.

Она верила всю жизнь — с детства, когда мать водила её в храм, когда она впервые опустилась на колени перед алтарём, когда почувствовала, как пот стекает по лицу и исчезает в желобках, а в ответ ее одаривало прохладным ветром. Для неё это было священным. Но правда, которую она нашла в свитках, не укладывалась в эту веру. Она не понимала, как можно убивать людей — даже еретиков — и называть это очищением.

Она остановилась у двери в покои Авигдора. Сердце колотилось где-то в горле. Она подняла руку, постучала.

— Войдите, — раздался голос изнутри.

Авигдор сидел за столом, перебирал какие-то бумаги. Увидев Гвиру, он отложил их, откинулся на спинку стула. Его лицо было спокойным, но в глазах мелькнуло что-то — усталость? Тревога? Она не могла понять.

— Ты пришла, — сказал он. — Я знал, что ты придёшь.

— Что значит «отпустить алые грехи»? — спросила Гвира.

Авигдор посмотрел на неё долго. Потом встал, подошёл к окну. За ним было оранжевое небо, серые крыши, далёкая стена.

— Пятнадцать лет назад солнце сходило с ума. Оно жгло так, что люди умирали на улицах. Вода исчезала из колодцев. Дети рождались больными, умирали, не прожив и пары дней. Мы не знали, что делать. Мы молились, приносили дары, ничего не помогало. — Он повернулся к ней. — А потом кто-то вспомнил древние ритуалы. Кровь. Кровь успокаивает солнце. Кровь даёт ему то, чего оно жаждет.

— И вы... вы убивали людей?

— Мы жертвовали немногими, чтобы спасти многих, — ответил Авигдор. — Еретиков. Тех, кто отказывался верить. Тех, кто сеял сомнения. Их кровь текла в желобках алтаря, и солнце успокаивалось. Жара спадала. Дожди возвращались. Город выжил.

— Но это неправильно! — выкрикнула Гвира. — Нельзя убивать людей ради...

— Ради чего? Ради жизни тысяч других? — Авигдор не повысил голоса. — Ты думаешь, я хотел этого? Думаешь, мне легко было смотреть на это?

— Тогда почему вы не остановили это?

— Потому что без этих жертв мы бы все умерли! — голос Авигдора дрогнул впервые за весь разговор. — Город был на грани гибели. Солнце сжигало нас заживо. Я выбрал меньшее зло.

Гвира смотрела на него, не веря своим ушам.

— Но сейчас... сейчас же этого не происходит? Сейчас нет жертв?

Авигдор покачал головой.

— Нет. Солнце успокоилось. Мы не убиваем уже много лет.

— А если снова начнёт?

— Тогда, возможно, придётся снова.

Он подошёл к ней, положил руку на плечо.

— Ты хочешь верить, Гвира. Я знаю. Я тоже хочу. Но иногда вера требует жертв.

Гвира отшатнулась.

— Вера всегда требует жертв, — прошептала она.

Она вышла. Свитки остались на столе.

Развалины оказались зданием. Металлическая дверь, приоткрытая. Изнутри тянуло холодом. Закар толкнул её.

Тамар стояла за углом, прижавшись спиной к холодной стене, и не дышала.

Она не хотела подслушивать. Просто проходила мимо, когда услышала голос Гвиры. Остановилась. Не смогла уйти. Стены здесь были тонкими, и слова пробивались сквозь них, как вода сквозь песок. Она слышала не всё — только обрывки, только отдельные слова. «Кровь», «еретики», «солнце требовало жертв». Она не понимала, о чём они говорят, но чувствовала — это что-то страшное. Что-то, что её подруга скрывает от неё.

Когда Гвира вышла, Тамар отступила в тень. Гвира прошла мимо, не заметив её. Лицо у неё было бледным, глаза пустыми. Она шла, не глядя по сторонам. Тамар не окликнула её. Она стояла в темноте и ждала, пока шаги не затихнут. Потом вышла из укрытия и посмотрела на дверь, за которой скрылся Авигдор. Она не знала, что он сказал Гвире. Но знала одно: теперь она будет следить.

Внутри горел свет — тусклый, голубоватый. Аварийное освещение. Воздух был прохладным — впервые за много лет Закар не чувствовал жара.

**

Тамар вернулась в комнату, где отдыхали младшие жрицы. Сёстры сидели на лежанках, переговаривались, чинили одежду. Тамар села рядом.

— Вы не замечали, что Гвира изменилась? — спросила она.

Несколько жриц подняли головы. Одна пожала плечами. Другая отвернулась.

— У неё свои заботы, — сказала третья. — Не лезь.

— Но я слышала, как она говорила с Авигдором...

— Ты ничего не слышала, — перебила старшая. — Иди молись. Это поможет.

Тамар замолчала. Она поняла: здесь ей не помогут. Её подозрения никому не нужны. Она вышла из комнаты.

Закар нашёл кран. Дёрнул — потекла вода. Пил долго, не отрываясь. Потом умылся. Впервые за много дней он чувствовал себя живым.

Тамар встретила Иону у выхода из храма, когда он уже собрался уходить. Она окликнула его.

— Иона.

Он обернулся.

— Что?

— Ты не замечал ничего странного в храме? В последние дни? — спросила она.

Иона нахмурился.

— Я почти не был в храме. А что случилось?

— Не знаю, — ответила Тамар. — Но... Моя подруга она изменилась. Постоянно пропадает в старых приделах, читает какие-то свитки. А сегодня я слышала, как она говорила с Авигдором. О чём-то страшном.

— Может, у неё какие-то обязанности, — пожал плечами Иона.

— Может быть, — Тамар не настаивала. Она не знала, что рассказать ему. Она сама не знала, что именно случилось. Только чувствовала — что-то не так.

— Ты веришь в солнце? — спросила она вдруг.

Иона удивился.

— Верю. А ты?

— Я хочу верить, — ответила Тамар. — Но иногда... иногда мне кажется, что оно не слышит.

— Оно слышит, — сказал Иона. — Просто иногда ответы приходят не сразу.

Тамар ничего не ответила. Она смотрела на алтарь, на желобки, уходящие в темноту.

— Я пойду, — сказала она. — Мне нужно молиться.

Она ушла.

Иона вернулся в казарму, когда солнце уже погасло. Небо было тёмным, только оранжевое зарево на горизонте напоминало о том, что солнце всё ещё там. В казарме было тихо. Другие стражники уже спали — кто-то храпел, кто-то бормотал во сне. Лежанка Закара была пуста. Иона смотрел на неё долго, потом разделся и лёг.

— Ну что, дождался? — раздался голос Аарона.

Иона приподнялся на локте. Аарон сидел на своей лежанке, чистил палку. Старый стражник, который не спал уже много лет.

— Нет, — ответил Иона.

— И не дождёшься, — Аарон отложил палку. — Я знаю, куда он пошёл.

Иона сел.

— Откуда?

— Я старый, но не глупый. — Аарон усмехнулся. — Нахаш перед смертью тоже туда ходил. Говорил, что ищет что-то. Что-то важное.

— Что?

— Не сказал. И тебе не скажу. Потому что не знаю. — Он помолчал. — Но знаю, что те места опасны. Не для всех.

— Закар сильный.

— Сила тут не при чём. Там другое. — Аарон посмотрел на него долго. — Ты когда-нибудь видел пустошь, мальчик?

Иона покачал головой.

— Я видел. Много лет назад. Мы ходили туда с отрядом. Искали диких. — Он замолчал. — Никого не нашёл. Зато нашёл... кое-что другое.

— Что?

— Не важно. Важно, что тот, кто туда уходит, не всегда возвращается. — Аарон снова взял палку, начал чистить. — Но если и возвращается, то уже не таким, как был.

Иона хотел спросить ещё, но Аарон поднял руку.

— Спи, мальчик. Завтра новый день. Может, он вернётся. А может, и нет.

Он отвернулся к стене. Иона остался сидеть, глядя на пустую лежанку Закара.

Ночь тянулась медленно.

Иона не спал. Слушал, как дышат другие стражники, как ветер гуляет по двору, как где-то далеко скрипит колодезное колесо — хотя колодцы в городе давно высохли, и он знал, что ему

просто чудится. Несколько раз ему казалось, что он слышит шаги. Он садился, всматривался в темноту, но никого не было. Только тени.

Гвира не спала. Сидела в своей келье, прокручивая в своей голове свитки, которые оставила у Авигодора. Она надеялась най

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.